

Александр ВАРГО

НЕЧЕЛОВЕК

*Господи, не дай ему
вспомнить...*

ЭКСМО

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Нечеловек

«ЭКСМО»

2011

Варго А.

Нечеловек / А. Варго — «Эксмо», 2011 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-47213-0

Максим Бабурин обладает даром проклятия. Стоит ему пожелать смерти своему недругу – и тот в скором времени погибает. Убийства и самоубийства, несчастные случаи и внезапные болезни – все это наступает вслед за применением безотказного и безжалостного оружия – проклятия. Максим не помнит своего детства. Но если вдруг к нему возвращается память, то ничто уже не может сдержать его лютой мести. И он начинает мстить всем людям...

ISBN 978-5-699-47213-0

© Варго А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Варго

Нечеловек

Пролог

В сумраке уходящего дня в глубоком кресле сидел человек, на вид лет семидесяти. Даже недостаток света не мог скрыть жестоких, глубоко посаженных глаз. Лицо, изрезанное морщинами, было напряжено. Он вспоминал те дни, когда был молод, то время, когда не знал о своей Силе. Те дни, когда он не был так одинок. Когда многие из тех, кого он знал, были еще живы. Живы!

Теперь умирал и он. Это было неизбежно. Результат Отдачи. Он так и не научился обращаться с Силой, но вот результат Отдачи видел воочию. Правда, уже одним глазом. Он посмотрел на свои руки, скрученные артритом. Кашель начал душить его. Глаза наполнились слезами. Он вытер губы и посмотрел на салфетку, всю в бурых пятнах. И это в тридцать лет.

Теперь он не знал, сколько еще протянет. Час? Два? Сутки? Пока не знал. Единственное, что он знал наверняка, так это то, что его состояние не было результатом синдрома Вернера или прогерии. Он понял это, когда ему в руки попала книга, лежащая на полу у кресла. Голубая глянцева обложка подмигнула ему в лучах заката.

Вдруг раздался звук разбиваемого стекла. Камень размером с кулак влетел в окно и с глухим стуком упал на пол.

– Сдохни, мерзкий колдун!

Он знал – выгляни он сейчас на улицу, никого не застанет. Его боялись. Его ненавидели и боялись. Он хищно оскалился. Его считали колдуном. Доля правды в этом, конечно, была. Ведь он обладал Силой! Силой, возможности которой безграничны.

Мужчина встал и подошел к зеркалу. Единственное целое зеркало было завешано белой простыней. Однажды, после очередного использования Силы, он мимоходом увидел свое отражение. Он и раньше замечал, что лицо как-то осунулось, волосы стали реже, но тогда ему показалось, что он состарился лет на десять. С тех пор он закрывал зеркало. Иногда он подходил к нему и, не решаясь сдернуть ткань, уходил. Сегодня же он решился, и простыня медленно опала к его ногам. Он даже не сразу понял, что отражение принадлежит ему. На него смотрел глубокий старик. Высокий лоб пересекали борозды-морщины. Кустистые брови нависали над маленькими злыми глазками, ввалившимися настолько, что, казалось, на него смотрела пустота глазниц черепа. Крючковатый нос свисал над тонкими бескровными губами. Вот и все, что он хотел узнать. Он выглядел точно так же, как и чувствовал себя. А чувствовал он себя как развалина.

Старик прошел назад в зал, даже и не подумав накинуть простыню на зеркало. Какой смысл? Он сел в кресло и включил телевизор. Блики сменяющихся картинок забегали по уродливому лицу. Он сидел; его взгляд был устремлен мимо предметов, куда-то вдаль. Губы шевелились; казалось, старик говорит с видимым только ему собеседником. Руки судорожно перебирали деревянные четки. Он уже и не помнил, откуда они у него, но теперь ему казалось, что они всегда были с ним.

«Один раз – последний», – подумал старик.

Нет, он не стал добрее и терпимей к ближним. Он все так же ненавидел людей. Все так же ему хотелось давить их, как червей. Как снующих тараканов. Взять тапку и ударить в самую гущу этих суесящихся существ. Он бы обязательно так и сделал, но ничто не длится вечно. И вместе с жизненной силой уходит Сила. Божья, Дьявольская или Волшебная? Он не знал,

как назвать свой дар (да и дар ли это?), но то, что он умирает, мужчина ощущал на своей, как говорится, шкуре.

Он посмотрел на книгу у своих ног. Теперь она подмигивала ему чаще. Блики от телевизора плясали на зеркальной поверхности обложки. Он со злостью пихнул ее ногой. Та отлетела и ударилась о стену. Он ненавидел и книгу. Прочитал ее пять раз и все равно вляпался в дерьмо!

Жена предала его. Предала! Человек, который всегда сам боялся быть обманутым, предал его!

«Если я узнаю, что ты где-нибудь на стороне ищешь утешения, – вспомнил старик слова женщины, – я... я уйду от тебя».

Сука! А на деле это она искала утешения, это она... Конец их по делам их! Предала и поэтому должна заплатить! Он намеренно оставил ее напоследок. Он знал, что, убивая эту продажную тварь, убьет и себя, но его это уже не волновало. Процесс старения стал необратимым, но... Но конец их по делам их.

Старик начал что-то нашептывать себе под нос. Вдруг он выкрикнул какие-то слова и замолчал. Где-то завывала собака. Он обмяк в кресле. На сером лице появилась едва заметная улыбка. Веки опустились, закрывая звериный взгляд. К первой собаке присоединились еще две. Не выпуская из рук четок, мужчина стал ждать. Он должен будет почувствовать. Что-то должно появиться внутри.

Пока там было пусто.

Глава 1

В кабинете не было ничего лишнего. Обстановка способствовала рабочему процессу. Анжела осмотрела собравшихся подчиненных. Это было одним из ее бзиков – выискивать какие-либо детали, элементы одежды, могущие так много рассказать о хозяине. Хотя о каждом из них она знала все. Собравшиеся в ее кабинете люди были как на ладони. И это не могло не радовать. Анжела, конечно, не президент государства и до переворота здесь вряд ли дело дойдет, но у заведующей магазином тоже могут быть недоброжелатели и завистники. Именно поэтому Бабурина и наблюдала за своими подчиненными, именно поэтому Анжела и была начеку.

Элла Фигурнова – женщина лет тридцати, очень ухоженная, любящая экстравагантно одеваться. Вообще постоянно привлекает к себе внимание, и не только мужчин. Было чему позавидовать. «Рядом с такой ни один мужик не устоит», – подумала Анжела.

Вера Михайловна Гущина – безобидная болтушка. Благодаря ей Анжела знала все обо всех. Леся Чалова – милая девушка, но не более. Хотя... Бабуриной иногда казалось, что была у нее какая-то тайна, но вряд ли она касалась Анжелы. Игорь Талалаев – молодой, исполнительный и очень симпатичный человек. Порой его исполнительность была очень навязчивой, но Анжела к этому привыкла.

Вертихвостка, болтушка, девушка-тайна и подлиза не могли помешать ей в полной мере почувствовать себя бессменным руководителем. За свое место она могла быть спокойной, но и доверить вести дела в свое отсутствие никому из них было нельзя. Пока год назад к ним не устроилась Лариса Середя. Она, пожалуй, стала единственной, на кого Бабурина могла положиться. И то лишь только потому, что Лариса не проявляла никакого интереса к должности заведующей магазином. Именно по этой причине Анжела и оставляла девушку за себя. Приставка «и.о.» прикрепилась к Середе намертво.

Анжела встала. Голоса стихли.

– Ну, все, ребята, можете идти работать. Кстати, все приглашенные получили?

Фигурнова фыркнула. Кто бы сомневался! Ей приглашенный наверняка генеральный лично выдал.

– Да, да, – закивали подчиненные.

– Тогда прошу всех по рабочим местам. – Анжела снова села за стол, поправила волосы, убранные в конский хвост.

Когда за последним посетителем закрылась дверь, она встала и подошла к большому, во весь рост, зеркалу. После лицезрения Эллы Фигурновой это становилось обязательной программой. Черные длинные волосы убраны в хвост. Минимум макияжа. Темно-синий брючный костюм сидел хорошо, но не было того шика, как...

«Нет, я же начальник. Мне нельзя одеваться, как...»

На языке крутилось слово «шлюха», но она мысленно одернула себя и уже вслух произнесла:

– Вертихвостка.

Каждая женщина хочет привлечь к себе внимание мужчин, тем самым вызвав зависть у женщин. Каждая. Только каждая по-своему.

«Может, и я таким образом привлекаю к себе внимание».

Ох как хотелось надеть вечернее платье, сделать красивую прическу! Три года назад на свадьбе... на собственной свадьбе у Анжелы было хоть что-то стоящее на голове. А потом обыденность и серость. Вместо прически – хвосты, вместо платья – деловые костюмы. Стоп. Завтра десять лет сети магазинов «Семья». Корпоративная вечеринка, так сказать.

– И у меня есть пригласительный. – Анжела улыбнулась своему отражению. Надо заметить, недурному отражению.

* * *

Максим Бабурин был человеком увлеченным. И увлечен он был своею собственной женой. Познакомились они с Анжелой лет пять назад. Учился тогда Макс на заочном отделении в политехе города Ставрополя. И как раз по случаю подготовки к зачетам решил заглянуть в читальный зал городской библиотеки. Вот там он и увидел это чудо. Она сидела за стеной из книг. Максим взял нужную книгу и сел за соседний стол. В голову ничего не лезло. По крайней мере, из прочитанного. Макс чаще поглядывал на девушку за соседним столом, чем в умную книгу в собственных руках.

Беда была еще и в том, что он не только не мог собраться с мыслями, но и не решался подойти и заговорить с девушкой. Вдруг она встала и направилась к стеллажам. Максим медлил. Руки потели. Чего он испугался? Он до сих пор задавал себе этот вопрос. И до сих пор не знал на него ответа. Максим встал и пошел к ней. Даже сначала думал пройти мимо, но она обернулась и попросила его достать книгу с верхней полки. Макс не помнил, что это была за книга. Он попросту никого и ничего не видел в тот момент.

Они разговорились. Анжела сказала, что учится в педучилище. А Макс... Это тоже было за гранью понимания. Макс соврал, что тоже учится в педагогическом, но только в институте и на последнем курсе. Обман во благо. Потом, год спустя, Максим признался Анжеле, что никогда не станет учителем. А если и станет, то в лучшем случае учителем труда. На самом деле он отрубил на энергостроительном факультете Политехнического института. Анжела просто рассмеялась. Она догадалась еще в библиотеке, что Максим далек от преподавательской профессии.

Через два года они поженились. Вот уже три года живут счастливо. Одно обстоятельство немного сгущало тучи в их безоблачной жизни: Анжела не соглашалась родить ребенка. Но Максим знал, что разгонит эти тучи. Это было делом времени. А времени у них предостаточно.

Максим стоял у входа в торговый центр и ждал свою супругу. Они договорились после работы съездить к матери Анжелы. Он посмотрел на часы, висевшие над входом.

* * *

Анжела зашла в комнату отдыха, чтобы попрощаться и дать распоряжения Ларисе Серее, остающейся за старшую на выходные. Сеть магазинов «Семья» работала без выходных, и даже такой праздник, как десятилетие открытия этой самой сети, никоим образом не должен был отразиться на графике работы.

Вера Михайловна и Элла сидели на подоконнике и что-то обсуждали. Увидев Анжелу, замолчали.

– Все шепчетесь?

– Да завидуем тебе, – сказала Элла Фигурнова. – Твой любимый вон стоит и ждет тебя. Кто б меня так ждал.

– А ты ограничишься хотя бы одним мужиком в неделю. – К женщинам подошел Игорь Талалаев.

– Это ты о себе, что ли?

– А хоть бы и о себе. А что, Эллка, я всегда под рукой, а?

Пока они разбирались в своих связях, Анжела посмотрела в окно. Максим стоял у входа. На мгновение ей показалось, что это совсем чужой человек, что она его не знает – и денься

он куда-нибудь, Анжела даже и не пожалеет. Чушь! Нет, только показалось. Но вот ощущение, что Максим может куда-нибудь деться, осталось.

Анжела повернулась на галдящих супервайзеров. Посмотрела на Эллу. Пока есть такие хищницы, надо быть начеку.

Объяснив все Ларисе, еще раз заглянула в свой кабинет. Пробежала взглядом по столу, шкафу. Убедилась, что не забыла убрать документы. Дернула за ручку дверцу несгораемого шкафа и пошла к выходу. Перед дверью Анжела остановилась и посмотрелась в зеркало. Недурна. И тот, кто это оценит, похоже, не так далеко. Она улыбнулась, подмигнула отражению и подумала:

«Может, мне родить Максиму – и тогда уж точно ни одна хищница не уведет его от меня?»

* * *

Максим обернулся в поисках синей пористой детали от конструктора. Мальчишка сидел на полу у дивана, перед ним стоял домик из конструктора «LEGO». Вдруг за диваном что-то зашуршало, скрипнуло, и оттуда выскочил рыжий котенок. Он выгнул дугой спину, шерсть торчала в разные стороны. Зверек как-то боком, то и дело подпрыгивая, подтолкнул ту самую синюю деталь конструктора к мальчику.

– Спасибо, Рыжик.

Мальчик взял котенка в руки и потерся об него щекой. Зверек вывернулся и вцепился когтистой лапкой в лицо малыша. Максим рефлекторно отбросил кота. Он не заплакал и не схватился за расцарапанную щеку, просто сидел на полу, скрестив ноги, и смотрел на животное.

– Чтоб ты сдох! – выдохнул наконец мальчик и, отвернувшись, продолжил строительство домика.

Через день котенка разорвали собаки.

Рыжик никогда не был на улице. Как он туда попал, никто не знал. Возможно, котенок вылез на подоконник и упал. Мама пошла искать Рыжика. И нашла...

Когда мама, вся в слезах, рассказывала на кухне отцу о том, как нашла кровавые останки котенка, мальчишка сидел под закрытой дверью и слушал. Слушал и улыбался.

* * *

«Она меня боялась».

Странная картинка с мальчиком и котенком улетучилась. Максим посмотрел на вход и тут же забыл, о чем думал. Анжела спустилась по мраморным ступеням и подошла к мужу. Тот обнял ее и нежно поцеловал в губы.

– Ну, ты что, Максик? Наши все глаза проглядели, а сейчас и вовсе в ладоши хлопают. – Анжела шутливо отстранилась от Макса, но на самом деле она была очень рада тому, что он поцеловал ее на виду у всех.

– Ну-у, куда пойдём? – спросил Максим и согнул в локте правую руку, приглашая супругу.

– Как куда? Мы же к маме собирались. – Анжела взяла его под руку и увлекла за собой.

– Нет уж, дорогая. Твоя мама никуда не денется, а вот ужин в «Цезаре»...

– В «Цезаре»?

– Просто завтра я могу передумать...

– Ну, «Цезарь» так «Цезарь», – поспешила согласиться Анжела. – А откуда деньги?

– Сегодня к Авдониному ездил домой.

– О! Что у вас за отношения? – Анжела улыбнулась.

– Проводку ему перекинул в гостиной, – ответил Максим, не замечая насмешки жены.

– Он же сам электрик.

– Он начальник, а мы электрики, – пояснил Максим и сошел с тротуара с вытянутой рукой.

– Да ты богач, – произнесла с улыбкой Анжела, когда они садились в такси.

«Цезарь» ничего общего с великими римскими императорами не имел. Максим хорошо знал хозяина кафе. Лет десять назад Макс и еще пара лоботрясов были завсегдатаями в этой забегаловке. Да, да, именно забегаловка. Это сейчас Аскер – хозяин кафе – отстроился как следует. Сейчас здесь было десять отдельных кабинок с кожаными диванами, два банкетных зала. А тогда – зал пять на пять с восемью столами на алюминиевых ножках. Из посуды – пожелтевшие тарелки да граненые стаканы. Зато хычины там делали отменные. Аскер назвал закусную в честь пса. Здоровенная кавказская овчарка по кличке Цезарь. Наверняка кафе строилось на деньги, вырученные с боев. Кобель по кличке Цезарь был непобедим. В последнем бою погиб. Вот Аскер и захотел увековечить имя своего кормильца. А перестроив свою закусную-забегаловку, решил ничего не менять. Тем более название у всех на слуху.

Максим провел Анжелу в шестую кабинку. Она немного удивилась, что он так целенаправленно пошел именно к этой кабинке. Ведь она могла быть и занята. Но потом подумала, что Максим мог позвонить и заказать столик.

– Ты тут пока меню полистай, а я к Аскеру заскочу, засвидетельствую, так сказать, свое почтение. – Максим нагнулся и поцеловал Анжелу в щеку.

– Ну, ты ненадолго, а то я к себе кого-нибудь затащу. – Анжела подмигнула ему.

– Я тебе затащу. – Макс знал, что она шутит, но внутри что-то екнуло.

Он подошел к барной стойке, спросил, где Аскер, и глянул на телевизор на стене. Шел какой-то фильм. Кино показалось Максиму знакомым. Он замер, позабыв об Анжеле и уж тем более об Аскере.

* * *

Он не знал названия фильма, но сюжет заинтересовал его. Кино про детдомовских ребят такого же возраста, как Максим. Ему вообще нравились фильмы о сверстниках. А то, что они не имели родителей, повергало его в шок. В последнее время перед сном Максим часто думал о том, как тяжело было бы жить без папы и мамы. Куда бы они ни делись, уехали или умерли (к своему сожалению, в девять лет он уже имел представление о смерти), Максиму пришлось бы несладко.

Сейчас же он смотрел фильм о тех, кому несладко, практически не отрывая взгляда от экрана.

– ...Максим, что с тобой, сынок?

Женщина подошла к ребенку. Родители увидели закипающую в нем ярость. Макс сильнее сжал кулачки, как-то напрягся весь.

– Что случилось, Максик? – К парнишке подсел отец. – Ты увидел что-то страшное?

Ребенок молчал.

– Максим, ну скажи нам, что тебя напугало? – встревожилась мать. Максим повернулся к маме и поднял на нее глаза, полные слез.

– Мама, мамочка! Как я их ненавижу!

– Кого, сыночек, кого? – Женщина прижала мокрое от слез лицо сына к груди.

– Этих мальчишек, – малыш всхлипнул, – они... они избили мальчика. И... и они забрали у него деньги.

– Сынок, это же просто кино, – мать погладила его по голове. – На самом деле эти мальчики дружат и ходят вместе в школу.

– Правда? – Он не перестал плакать, но больше не всхлипывал.

– Ну конечно, Максик, – мужчина взял крохотную ладошку сына в свою руку и легонько сдвинул. – Они артисты, и завтра мы увидим их, ну скажем, в «Ералаше».

– Даже если и так, – мальчик посмотрел отцу в глаза, – я не хочу их больше видеть.

От взгляда ребенка мужчине вдруг стало не по себе, и он отпустил руку малыша. На него смотрели не детские наивные глазенки, а глаза взрослого жестокого человека. Максим перевел взгляд на маму и улыбнулся.

– Мам, пап, давайте поиграем во что-нибудь! – Он улыбался, глаза по-детски засияли. Отец был в очередной раз поражен столь быстрой переменой в сыне, но все-таки улыбнулся в ответ.

Остаток дня они проиграли в настольные игры, позабыв о случившемся.

На следующий день телевизор взорвался. Пока родители были на работе, а мальчик – в школе, телевизор будто вывернуло наизнанку.

Когда вечером взрослые в недоумении стояли у развороченной техники, отец вдруг обернулся и посмотрел на сына. И он увидел то, чего ему видеть было нельзя. Мальчик улыбался.

* * *

«Отец меня ненавидел».

– Максим, братишка! – Несмотря на разницу в возрасте (Аскер был старше Макса лет на двадцать), хозяин кафе обращался к Максиму именно так.

Макс повернулся и сразу же попал в железные объятия Аскера.

– Раздавишь, – простонал он.

– Что-то ты выглядишь не очень, а, Максик?

– Да нет, все в порядке. Слушай, Аскер, помнишь, у тебя делали хычины?

– Ты что, Максим, по студенческим годам соскучился? Может, тебе граненый стакан и бутылку портвейна принести?

– Нет, это будет слишком. Кстати, винца домашнего тоже можно.

– Будет тебе вино, братишка. Да и с хычином что-нибудь придумаем. Шашлык с меня.

– Ловлю на слове.

Когда Максим вошел в кабинку, он уже не помнил, кто кого ненавидел, но неприятное ощущение осталось, будто он что-то совершил такое... такое... что-то плохое.

Через пять минут в кабинку вошла официантка с каменным лицом. На вид ей было лет пятьдесят. Максим даже подумал, что она еще в совковые времена начинала в какой-нибудь обкомовской столовой, и лицо ее тогда было не столь гранитным. Деловито открыв блокнот размером с поднос, официантка приняла заказ. Анжела заказала овощной салат, Макс заказывать ничего не стал (Аскер обещал хычин). Дама с каменным лицом вернулась с заказом Анжелы и с хычином на пожелтевшей тарелке. На удивление Максима, она надела маску добродушия.

– Приятного аппетита, – сказала официантка и вышла.

Минут через десять был подан дымящийся шашлык и два графина. В одном – вино, а во втором – жидкость, по цвету напоминающая коньяк.

– Ваш ужин за счет заведения. Аскер Рустамович так сказал. – Последнюю фразу дама произнесла с надрывом.

– Что-то она не очень рада этому, – сказала Анжела, когда официантка вышла.

– Аскер своим добрым жестом только что лишил ее возможных чаевых.

– Так получается, ты зря у начальника надрылся, зарабатывал эти деньги? – Анжела улыбнулась.

– Получается, так. – Максим налил себе коньяка, а Анжеле вина.

– Ну, уж нет. Я найду им применение.

– Я знал, что на тебя можно положиться. – Макс подал жене бокал и взял свою рюмку. – Ну, за что выпьем?

– Как будто не за что! – Анжела кокетливо подмигнула супругу.

– Ну, тогда за эту милую статую с блокнотом.

– Я тебе сделаю – за статую! И вообще, почему это ты заглядываешься на баб?

– Вот. Давай выпьем за доверие.

– Какое доверие, если ты с этой Афродиты преклонного возраста глазами штаны снял.

– Анжела, побойся Бога и всех его приближенных. У нее же даже через джинсы целлюлит виден!

– Ах, так все-таки ты смотрел на ее задницу?

– Только одним глазком, чтобы еще раз убедиться – лучше тебя никого нет.

– Подлиза. – Анжела под села ближе к Максиму и поцеловала его. – Смотри мне. Если я узнаю, что ты где-нибудь на стороне ищешь утешения, я... я уйду от тебя.

– До этого не дойдет. – Максим поцеловал Анжелу в губы. – Я не допущу этого.

* * *

Анжела сидела у трельяжа и с улыбкой вспоминала некоторые моменты вчерашнего прекрасно проведенного вечера. Нежные прикосновения и поцелуи Максима были несравнимы ни с чем. Да, по сути, ей и сравнивать-то не с чем. Даже если и была нежность в ухаживаниях бывших партнеров, то Анжела ее забыла. Она порой признавалась себе, что и вышла-то замуж за Максима, чтобы забыть. Это совершенно не значило, что она не любит Макса. Любит, очень любит. Скорее всего, именно из-за этой любви Анжела никогда не вспоминала «свою жизнь до Максима». Как хорошо быть счастливой! Как хочется, чтобы это длилось вечно... Она посмотрела на свое отражение. Черные волосы обрамляли красивое лицо, почти не носящее следов макияжа. Анжела не хотела походить на ярко раскрашенную Элли Фигурнову, но и одновременно не хотела отставать от нее в привлекательности.

«Все будет хорошо, милочка. Ты заслуживаешь счастья».

– Анжел, ну ты скоро? – окликнул Максим жену, сложил фотографии и захлопнул альбом.

Макс иногда на досуге пересматривал фото. Множество снимков, но ни одного с изображением его родителей. Да что там родителей – Максим не видел ни одной собственной фотографии до десятилетнего возраста. Будто и не было Максима Бабурина до десяти лет. Не рождался, не ходил в детский сад, не пошел первый раз в первый класс. Беда была и в том, что вместе с фотографиями того периода у Бабурина отсутствовали воспоминания. Крестный говорил, что все наладится и Максим выздоровеет. Поэтому-то муж и пил эти безвкусные пилюли для улучшения памяти.

Максим достал из кармана пластинку с таблетками. Она была пуста. Черт! Больше у него не было. Ладно, один день без таблеток не смертелен. Завтра надо будет нанести визит крестному. Он встал с дивана, положил альбом на журнальный столик и пошел к спальне.

– Если мы не выйдем через пять минут, то можно никуда не спешить, потому что нас никуда не пустят. Между прочим, из-за тебя. – Он подошел и поцеловал Анжелу.

– Да ладно, никуда мы не опоздаем. – Она встала и кокетливо спросила: – Ну, как я тебе? Максим осмотрел ее с ног до головы и присвистнул:

– Сногшибательно. Раньше я боялся только за кошелек на ваших сомнительных корпоративных вечеринках, ну а теперь... – Он развел руками.

Анжела улыбалась.

– Ну, может, хотя бы сегодня ты не будешь рассказывать этим безмозглым курицам анекдоты о Штирлице, а потом прятаться от них в мужском туалете, – она поцеловала его в гладко выбритую щеку.

– Вот это я надрался... А если б я им взрослые анекдоты рассказывал? – Максим обнял жену.

– Тогда они тебя обязательно нашли бы. И как честному человеку тебе пришлось бы жениться.

– На всех?

– Нет, через одну! Я б тогда вам устроила анекдот в картинках... Пойду я, загляну кое-куда. – Анжела мягко отстранила Максима и, сексуально виляя задом, вышла из комнаты. – Ты выходи, я скоренько! – крикнула она из коридора.

Они не опоздали, но в отношении того, что надо быть начеку, Макс оказался прав. Его кошелек был в большей безопасности, чем супруга.

* * *

Их встретили прямо у входа в бывший Дворец культуры. Теперешняя культура не имела ничего общего ни с портретами уездных актеров, развешанных в холле, ни с пьесами, когда-то собиравшими всю интеллигенцию Салимова в этом ДК. Навстречу выбежал парень, взял у Анжелы плащ и, улыбнувшись во все тридцать два зуба, жестом пригласил в зал. Молодой человек будто и не замечал супруга начальницы. Возникла неловкая пауза. Анжела, не ожидавшая такого отношения к мужу, растерялась. Но Макс сориентировался быстро. Снял куртку, подошел к парню и посмотрел в улыбающееся лицо.

«Такие ублюдки нравятся бабам», – подумал он, положил куртку Игорю на плечо, но уходить не спешил.

– Надо же, какое здесь хорошее обслуживание.

Анжела дернула Максима за рукав.

– Я не лакей, – прошипел парень.

– Извини, братец, – гнул свое Макс, – мелочи нет. – Он взял под руку Анжелу и направился в зал.

– Макс, зачем ты так с ним? Это же Игорек. Он у меня в магазине работает, – прошептала Анжела.

Но Макс не успокаивался. Уже в зале он повернулся и крикнул:

– Да, и аккуратней с карманами, когда будешь шарить там. А то я знаю вашего брата.

Игорек чуть не взорвался от злости, наигранная улыбка слетела с губ. Он подбежал к гардеробной и швырнул вещи на стойку. Старик, подхвативший куртку и плащ, молча поволок их к вешалкам. Ох как хотелось, чтобы гардеробщик хоть что-нибудь сказал! Вот тогда бы он показал, кто здесь лакей.

Игорь Талалаев смотрел на гардеробщика, когда услышал голос. Человек разговаривал по мобильнику. Вот тут Игорек готов был стать и лакеем, и мальчиком на побегушках. Да хоть кем. На лице засияла дежурная улыбка.

– Здравствуйте, Владлен Маркович.

Игорь протянул руку. Мужчина посмотрел на него так, будто увидел говорящую лошадь, снял куртку и повесил ее на протянутую руку. Талалаев стоял и улыбался, хотя чувствовал себя так, словно в дерьме искупался. Владлен Маркович достал дорогой кожаный кошелек, вынул банкноту и засунул ее в нагрудный карман рубашки парня. Все это он проделал молча.

Влад не хотел опускаться до бесед даже с говорящими лошадьми. Когда мужчина ушел, Игорь обрушил гнев на старика.

– Какого хрена ты смотришь? Чтоб завтра я тебя здесь не видел.

Он вытащил купюру из кармана, скомкал и бросил за стойку. А вот куртку швырять не стал, положил ее аккуратно, боясь сделать лишнюю складочку. Старик взял куртку и понес вешать. Когда он вернулся, парня не было. Гардеробщик нагнулся и поднял скомканную бумажку. На него смотрел добрый дедушка Франклин.

– Буржуи. – Старик покачал головой и положил купюру в карман.

* * *

Анжела остановилась возле напудренной дамы преклонного возраста. Макс не стал дожидаться жену и двинулся к столику у окна. Многие столы еще пустовали. На каждом стояли таблички с именами. Макс присел за свой стол. «Максим и Анжела» – значилось на пластиковой карточке, стоявшей на скатерти. Максим перевернул ее и посмотрел в окно, выходящее на стоянку. Одна за другой подъезжали машины. «Хаммер» шефа уже стоял, а вот самого Владлена Марковича Толстогона Макс еще не видел.

Тот еще слизняк.

Вообще в коллективе жены Максу мало кто нравился. Анжела практически ни с кем не общалась – так, только по работе. Сейчас она как раз стояла с одной из коллег. Подруга, годящаяся ей в матери. Кажется, Вера. Максу на самом деле было все равно, с кем дружит его жена. Конечно, в пределах разумного. Дружба с ярой феминисткой или вегетарианкой не пошла бы ей на пользу. Да и «зеленые» не вызывали никакого уважения. Вера Михайловна не была ни первой, ни второй, ни третьей. Милая женщина любит потрепаться о чужих бедах и позавидовать чужим достижениям. Этот на первый взгляд безобидный треп иногда нервировал Максима, и после ухода Веры Михайловны он позволял себе сделать замечание жене. На что слышал в ответ: мы же женщины. Женщины! Интересно, они вообще подозревают, что их «сарафанное радио» может натворить множество бед? От разводов до самоубийств. Вряд ли. Пока их самих не коснется беда, они и ухом не поведут.

Макс снова посмотрел в окно. На бордюре, у клумбы сидел серый котенок. Он шатался, пока не упал. Максим улыбнулся. Он не увидел, откуда взялась кошка, большая копия котенка. Она остановилась напротив окна и, изогнув спину, зашипела. Максим не слышал, но знал, что она шипит как гидравлический пресс, спускает пар, как паровоз. Максиму показалось, что кошка смотрит ему в глаза. Он порадовался, что между ними стекло. Кошка могла броситься в лицо, но этого не случилось. Животное, выпустив пар, схватило за холку котенка и побежало в укрытие. Макс не отвернулся от окна, продолжив смотреть вдаль, в пустоту.

* * *

Максим вышел во двор, на ходу натягивая белую футболку. Он осмотрелся – ничего интересного. Прошелся от сарая к калитке и обратно.

Куры что-то находили в земле и тут же склевывали. Индюки, задрав головы, гордо наблюдали за всеми во дворе. Старый пес Тимоха, прикрыв глаза, лежал у будки.

Максим подошел к калитке, ведущей в огород. Опрятные грядки расположились по обеим сторонам бетонированной дорожки. Овощи были высажены ровными рядами.

«Словно солдатики на параде», – подумал мальчик и толкнул дверь. Она не поддавалась. Максим надавил на калитку плечом. Толчок, еще – и он ввалился в огород. Поднялся. Сбитые колени горели. Прихрамывая, направился к бане.

Баня возвышалась над грядками с луком в конце огорода. Бревна, из которых была выложена постройка, почернели от времени. Из-за грязно-зеленоватого мха, сплошным ковром покрывавшего двухскатную крышу, невозможно было определить, чем на самом деле застелена кровля. Баня как баня. Но Максим знал, что там, под крыльцом, Мурка и прячет своих деток. Бабушка сказала, что кошка принесла пятерых рыжих котят. Он собирался это проверить. Возможно, мама с папой разрешат ему взять одного в город. После того как собаки загрызли его Рыжика, мама запрещала приводить домой животных. Но прошло уже столько времени...

Подойдя к крыльцу, мальчик услышал слабый писк. Он опустился на колени и поморщился – колени болели. В дальнем углу лежала старая потрепанная шапка-ушанка. В ней копошились четыре рыжих комочка. Они были еще слепыми, поэтому наталкивались друг на друга. Но почему четыре? Бабуля ведь говорила, что их пять! Максим попытался дотянуться до шапки, но безрезультатно. Он вытянулся, как смог. Нет. Рука только слегка задела ворс. Он вылез из-под крыльца и сел на ступеньку. Все тело ныло. Он посмотрел на разбитые колени и увидел...

– Вот ты где! – обрадовался малец. – Ну, где ты был?

Он поднял на руки котенка. Крохотное тельце дрожало не то от холода, не то от напряжения. Максим гладил зверька, когда услышал шипение. Кошка, выгнув спину и оцетинившись, стояла в метре от мальчика.

– Мурка, ты что? На тебе сыночка...

Ребенок нагнулся, чтобы отпустить котенка. И тут кошка прыгнула.словно пружина. Она вцепилась в лицо, царапая щеки, лоб, нос. Метила в глаза. Максим отбрасывал ее, но она, будто попав на багут, возвращалась. Изгибаясь, изворачиваясь, снова метила в глаза ребенку. Максим задыхался от слез и... нет, не боли. Боль он уже не чувствовал. Его душила злоба. Он взглянул на животное.

Вдруг кошка отскочила, словно ошпаренная, и шмыгнула под крыльцо.

– Ты еще пожалеешь, гадина! – зло проговорил мальчик.

Утром котят нашла бабушка. Они, все пять, лежали в корыте с водой. Мертвые. Кошка лежала у корыта и никого не подпускала. Соседка видела, как кошка подносила к корыту котят и топила их. Но не это казалось странным, а то, что кошку как будто подталкивал кто-то.

В тот день от него отвернулась мама. Женщина тайком весь вечер поглядывала на сына. А потом ночью Максим проснулся от странных звуков. Кто-то плакал навзрыд.

Мама все поняла.

* * *

Она боялась и ненавидела его. Мама боялась его...

– ...Скучаешь? – Он не заметил, как подошла Анжела.

– Соскучишься тут. А что это за улыбчивый хорек встретил нас у входа?

– Кто? Вера Михайловна?

– Так он еще и женщина? Надо же... никогда бы не подумал.

– Ну, хватит тебе. – Анжела шутливо надула губки. – Ты об Игоре, что ли?

– Ничего себе, в вашем живом уголке зверей человеческими именами называют?!

– Ну, зачем ты так о нем? Ты же его совсем не знаешь. Он у меня в магазине лучший работник. Может быть, чересчур услужливый, а так – милый молодой человек.

– Готов поспорить, что он тебе почту в зубах носит. А Владлену еще и тапочки. А вот с сослуживцами он ходит павлином.

– Да он Влада раз в год видит. Тебе что, поговорить больше не о чем?

– Почему? – Он осмотрел вновь прибывших гостей. – Давай поговорим вон о той девочке бальзаковского возраста. Миленькая у нее косичка.

– Ты чего? – Она засмеялась. – Это же начальник IT-отдела. И к тому же он мужчина.
– Да и бог с ним. – Он и сам готов был рассмеяться, но сдержался. – Жenuшка моя любимая, давай начистоту. Ты привела меня сюда, чтобы принести в жертву этим гермафродитам?
Она снова засмеялась. Он присоединился к ней. Котята и шипящие кошки вылетели из головы.

* * *

Владлен Маркович, высокий мужчина сорока пяти лет, выглядел лет на тридцать пять. Тренировки три раза в неделю, солярий и, конечно же, ежемесячный осмотр у дантиста – это и был его секрет красоты и молодости. Завидный жених, говорила его мама. И он верил ей, но вот жениться не хотел. Не нагулялся.

Да и к тому же была у него одна слабость. Нет, слабостей – куча. Но эта... В общем, он, кроме женщин, любил и мужчин. Молодых мужчин. И в обоих случаях он был активен. Активность – это его кредо. Он был активен во всем.

Был у него и еще один секрет. Хобби. В подвале его трехэтажного особняка на Сиротской горе располагалась специальная комната. Когда она, эта самая комната, была еще в проекте, Влад называл ее музеем. Там он собирался складывать раритетные вещи. Но когда дом был построен и он въехал туда с мамой, Владлен понял, что там будут располагаться не менее ценные вещи. Женское белье. Разумеется, нижнее. Со временем коллекция настолько разрослась, что пришлось пожертвовать бильярдной для переноса туда «Зала славы». Так для себя решил называть это помещение Владлен.

Толстоганов волочился за каждой юбкой. Нет, эти слова скорее подходили для нищего ловеласа, а не для богатого всемогущего хозяина сети магазинов и четырех заправок. Он поворачивал беседу так, что женщины начинали сами бегать за ним. Коллекция требовала пополнения.

Вот и сейчас, сидя у сцены, он смотрел на женщин, словно кот на сметану. Его взгляд привлекла девушка в черном облегающем платье. Он знал многих подчиненных – в основном они и пополняли коллекцию, – но эта показалась ему незнакомой. Он встал и направился к ней, прикидывая по пути, какое у нее может быть белье. Черные стринги или танга? То, что трусики в тон платья, он был просто уверен. Не может такая красивая женщина одеваться как скоморох! А может, она и вовсе без трусиков? Влад почувствовал легкое возбуждение.

* * *

Макс увидел приближающегося к ним Владлена.

– Не оборачивайся, по-моему, он к нам.

– Ты о ком? – не поняла Анжела, но все-таки не обернулась.

– Твой шеф хочет засвидетельствовать нам свое почтение.

– Что это он вдруг?

– Не знаю. Но я выясню, что у вас общего, – пошутил Макс.

– Добрый вечер, – поздоровался Владлен Маркович и протянул руку Максиму.

Бабурин встал и ответил на рукопожатие.

– Э-э-э... – Макс заметил, как Влад в недоумении смотрит на перевернутую табличку.

– Максим и Анжела, – подсказал парень.

– Да-да. Конечно. Максим и Анжела. – Он отпустил руку Макса и повернулся к Анжеле:

– Анжелочка Алексеевна! Вы, как всегда, прекрасны. – И он тут же доказал, что его дантист не зря ест свой хлеб.

– Владлен Маркович, а развлекательная программа предусмотрена? – От наглости Макса Анжела даже привстала.

Владлен повернулся к Максиму:

– Да. Из Москвы приедет группа «Краски». Да и клоунов вы будете встречать на протяжении всего праздника. И не одного. – Владлен усмехнулся.

– Да мы уже встретили одного у входа...

Анжела ударила мужа под столом. Тот не отреагировал, а продолжал смотреть на начальника жены.

Влад не совсем понял, о ком он. Встреча с говорящей лошастью и поощрение ее столярной купюрой вылетели из головы. Он кивнул и улыбнулся из вежливости.

– Ну, располагайтесь удобней. Раз клоунов вы уже видели, ждите «Краски». Там такие... – Владлен Маркович повернулся к Максиму и поднял руки к груди, показывая женский бюст. – Максим меня понял. Ну, если что, я там, у сцены. – Мужчина развернулся и пошел по залу, отвечая на рукопожатия и кивки подчиненных.

– Что он тебе показал? – спросила Анжела.

– Ограниченность ума. – И Максим повторил жест Толстого.

Глава 2

«Надо же, никогда бы не подумал, – удивлялся Владлен Маркович, подходя к столику. – Да она красавица. А я и не замечал. Какие формы!»

Он вспомнил глубокое декольте. Сегодня не получится – она с мужем. А вот в понедельник, так сказать, в рабочей обстановке... Она не устоит. Никто еще не устоял.

Влад обвел взглядом приглашенных. Бесконечная череда любовниц и любовников с вожделением поглядывали на него. Они ему были неинтересны. Как только они попадали в койку с Владом, а их трусы – в «Зал славы», интерес Толстого к ним пропадал.

Анжела. Надо же, серая мышка. Золушка. Влад еще больше почувствовал себя принцем. Он знал: если она начнет ломаться, то это его еще больше раззадорит. Что-то подобное он испытал, когда впервые переспал с молодым парнем. Влад подцепил его на заправке. На собственной заправке! Прыщавый педик с золотой жопой принес какие-то книги. Слово за слово, и он едет в «Хаммере» к Владлену домой. Влад не чувствовал такого возбуждения давно, но все было как-то не так. Неправильно, что ли? Конечно, не сказать, что ему не понравилось. Даже напротив – его возбуждала одна мысль о том, что перед ним готовы раздвинуть ноги не только женщины. Но все равно он считал, что это неправильно. Эта самая неправильность его возбуждала, заставляла почувствовать себя не таким, как все.

Поэтому, когда ему нужно было расслабиться, он всегда звонил Паше. Тот лучше самой искусной любовницы мог помочь ему забыться. Он бы до сих пор ему названивал, но всему приходит конец. Родители мальчонки узнали об их невинном увлечении. Вот тогда-то та часть тела, которая так притягательно действовала на Владлена Марковича, у паршивца вмиг превратилась в золотую. Оказалось, малыцу едва пятнадцать стукнуло. Вот и пришлось расстаться с новеньким «БМВ» и трехкомнатной квартирой, хоть и не московской, но все же. В Салимове тоже начали строить приличные дома. В одном таком, прозванном в народе Замком за его схожесть со средневековым строением, Владлен и купил квартиру. Как знал. Купил – и отдал. Суки, чтоб вас всех!

Теперь он аккуратен в связях. Нет, он мог, конечно, напугать их, заплатить адвокатам – да, в конце концов, даже судьям, – но ему не нужна была огласка. Такой видный человек – и гомосексуалист. Да еще и педофил, мать его!

У нас тут не Америка и не Англия. И он не Элтон Джон и не Джордж Майкл. Маму бы кондрашка хватила. Ее раздражало хоть какое-нибудь упоминание о сексуальных меньшинствах. «Эти пидарасы скоро весь мир захватят!» – выкрикивала она из спальни после просмотра очередного шоу. Узнай она, что ее сын засунул свою хреновину в представителя того же пола... да она бы хер ему оторвала и сожрать заставила. Общественное мнение – ничто по сравнению с гневом любящей матери.

«Надо завязывать с экспериментами. Анжелочка будет последней. Ну, или одной из последних».

Влад улыбнулся. Он напомнил сам себе конченого алкаша, говорящего перед налитым стаканом: «Ну, все, этот последний – и завязываю». А потом надирается и забывает, какой из стаканов последний.

Нет, надо жениться. Женюсь! Порадую старушку-мать.

* * *

Праздник так себе. «Краски» немного приукрасили его, и только. Макс хохотнул каламбуру, образовавшемуся в голове. Он был пьян. Поводов тому три. Да ни один человек на этой годовщине не имел столько поводов напиться и забыться.

Первое – это, конечно, то, что их всех собрали здесь, то есть сам юбилей сети магазинов «Семья». Второе, не менее важное событие: к нему клеилась подруга Анжелы, Леся. Нет, она красивая девушка, и слова «не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки» – не о ней. Но, но, но... Но он любил свою Анжелу.

А вот третий повод... А третий повод сейчас веселится с Владленом и хорьком Игорем. То ли Анжела насмотрелась на его откровенные танцы, то ли еще что... Макс решил, что обязательно это выяснит. Сейчас выпьет еще и выяснит. Он посмотрел по сторонам. Столика через три сидела девушка со странной прической. Сотни мелких косичек ниспадали на обнаженные плечи. Она улыбнулась и подмигнула ему.

Максим вспомнил девушку. Она работала в магазине, в котором Анжела была управляющей. Точно, старший кассир. Красивая, экстравагантная. Необычная дама. Макс подмигнул ей в ответ и отвернулся. Посмотрел в окно. Уже стемнело. Фонари заливали стоянку желтым светом.

– Привет.

Макс подпрыгнул. Повернулся. Старший кассир с узбекскими косичками сидела напротив с пустым бокалом.

– Вы не поделитесь вином? А то на нашем столике закончилось. Официанты что-то совсем не следят за столами.

– Обычно так намекают на завершение банкета. – Макс взял бутылку и налил в подставленный бокал.

– Но банкет ведь можно продолжить. – Пауза. – В другом месте.

– Я женат, – сухо сказал Максим и снова повернулся к окну.

– Но я же тебе не жениться на себе предлагаю. – Женщина взяла его за руку.

«А почему бы и нет, черт возьми! Кому-то там весело, а я что, хуже, что ли?!»

– Нет, спасибо. С меня на сегодня хватит банкетов. – Максим встал, допил вино и пошел к выходу.

* * *

Не сдержался, черт побери! Захотел подержать ее, так сказать, в руках. Владлену было интересно, поймет ли он (когда будет танцевать с Анжелой), в каких она трусиках. Не понял. А потом втянулся. Пригласил ее за столик у сцены.

Удивительное дело, на что идут самые верные жены, когда узнают об измене драгоценных мужей. Все, как одна, мстят. Только у каждой свое понимание мести. Одна отрежет любимому то, чем, собственно, он и изменил. Другая лишит всех сбережений. Ну а третья изменит сама. Мол, смотри, гад, то же самое чувствовала и я, когда ты пристраивал свою кочерыжку.

По мнению Влада, Анжелочка, конечно же, способна на все три способа мести, но третий метод ей ближе. Это немного облегчало намеченный путь Владлена. Да и мужик ее не так уж дорожит ею. Вон сидит, вино хлещет. Владлен Маркович перевел взгляд. К столику Максима подошла Элла. Хорошая девочка. Ее красные ажурные трусики уже были в коллекции Толстого.

Через пару минут муж Анжелы встал и пошел к выходу.

Вот дурак! Либо он верный муж, либо дурак. Хотя Владлен почти не сомневался, что это одно и то же.

Анжела не видела, как уходит ее муж, – она сидела спиной к залу. Игорь что-то весело рассказывал ей, Владлен улыбнулся очередной хохме Игоря. Как последний оказался за его столом, Влад не заметил. Анжела их познакомила. Теперь он, похоже, не хотел уходить. У Влада даже появилось такое странное ощущение, что Игорек своими рассказами пытается произвести впечатление не на Анжелу, а на него самого.

Какой-то российский хит наконец-то затих. И на удивление меломана Владлена, заиграла волшебная мелодия «Wind of Change». Владлен Маркович протянул руку Анжеле. Та застенчиво улыбнулась и приняла приглашение. Толстогонов вывел девушку на сцену. Музыка нежно ласкала слух. Влад слегка опустил ладонь ниже талии Анжелы. Либо девушка, разгоряченная спиртным, не замечала поползновений начальника, либо все шло так, как и должно. В любом случае он не останавливался и его никто не останавливал. Пока.

* * *

Макс подошел к гардеробу. Старик в униформе сидел и дремал.

– Отец, а ты почему не танцуешь?

Гардеробщик встрепнулся и, уловив суть вопроса, хмыкнул:

– Оттанцевал я свое. Еще в сорок третьем. Осколок по ноге гуляет. Так теперь вот боюсь, чтоб в танце он из неприглядного места не выскочил на радость буржуям. Хе-хе-хе.

В зале заиграла одна из композиций «The Scorpions». Макс, все еще улыбаясь шутке старика, повернулся на звуки музыки. Нравилась ему эта песня.

«Почему я вообще собрался уходить? Ведь еще не все выпито!»

Максим развернулся и, пошатываясь, вошел в бывший актовый зал бывшего Дворца культуры. Окинул быстрым и, к его сожалению, уже мутным взглядом танцующие пары. Посмотрел на столик, за которым еще пять минут назад сидели его жена и пара претендентов на взбучку. Ничего, кроме пустых стульев, его нетрезвый взор там не различил. Он медленно, спотыкаясь о каждую ступеньку, будто мысленно поднимался туда, перевел взгляд на сцену.

Ноги понесли раньше, чем мозг сообразил, что происходит. Макс влетел на сцену; словно шар в боулинге, он смел всех на пути. Подбежал к Анжеле, отбросил ее и правым прямым отправил Владлена Марковича в легкий нокдаун. Все затихли, кто-то даже выключил музыку. Врубили свет, тем самым притупив раздражение от мигающей светомузыки.

Игорь, злобный хорек, не знал, что ему делать. Либо бежать лизать задницу несправедливо обиженному начальнику, либо броситься на разъяренного Максима. Ох как хотелось разорваться и вдвойне обеспечить себя карьерным ростом! Он решил ограничиться выкриком нецензурных слов в сторону разбойника и хулигана, чем приблизил свою встречу с прекрасным. Макс ударил левой, и Игорь упал к ногам встающего Владлена. Тот не стал раздумывать, что ему делать – просто переступил через назойливого подчиненного.

Анжела подбежала к Максиму и начала выпихивать его к выходу.

– Ты что делаешь?! – закричала она.

Макс молча отступил.

– Ну, что вы замерли? – Голос Владлена вернул всех на землю. – Вы что, пришли сюда смотреть, как вашего начальника бьют? Перебрал парень. С кем не бывает? Продолжаем веселиться.

Голос Влада сменился музыкой. Макс прошел в гардеробную и взял куртку. Фронтвик всхрапнул и проснулся.

– Что сынок, уходишь?

– Да, батя, у меня, похоже, тоже осколок. Только в сердце.

Старик понимающе кивнул и увидел у входа девушку. Она плакала. Когда парень молча вышел на улицу, девушка побежала к туалету.

– Молодежь, – сказал старик и, устроившись удобней, снова захрапел.

* * *

Макс не понимал действий жены. Мало того, что она позволяла шарить этой обезьяне по собственной заднице, так она еще и заступает за него! Где справедливость?!

Бабурин подошел к ларьку, где было практически все, что нужно ночному посетителю. А нужно Максиму было только одного – продолжения банкета. Он взял две бутылки пива и за ларьком повернул на улицу Кирова. Вдруг из темноты ему навстречу выбежала огромная собака. Он плохо разбирался в породах, но, судя по тому, что псина бросилась на него молча, без лая, она принадлежала к одной из бойцовых пород. Питбуль, или бультерьер, прыгнул и на мгновение замер у лица Бабурина. Потом кто-то затащил собаку в темноту. Максим снова начал дышать. Испуг еще не ушел, но уже появилась ярость. Из темноты вышел крупный мужчина. Он держал своего питомца за ошейник. Животное, не оставив надежд поужинать лицом припозднившегося путника, рвалось в сторону Макса.

– Ты бы своей псине намордник надел, – предложил Максим и боком начал обходить хозяина с непокорной собакой.

– Я щас тебе намордник надену, забулдыга херов! – Здоровяк развернулся и потащил пса в сторону ДК.

Ярость нарастала.

– Послушай, ты почему так себя ведешь? – спокойно спросил Бабурин, а внутри все тряслось.

– Слышь, ты, алкаш, я сейчас спущу на тебя Кинга и скажу, что это ты напал на меня. Я понятно излагаю? – Мужчина улыбнулся, и Максим вдруг заметил сходство между хозяином и собакой.

Несмотря на закипающую все сильнее ярость, Бабурин продолжал мыслить здраво. Набросься он с кулаками на этого амбала, Кинг порвет его. Аскер как-то рассказал Максиму о страшном оружии бойцовых собак. Давление сжатия челюстей такое, что этот самый Кинг с легкостью раздробит несколько костей в теле Бабурина. Так что если Максим и выживет, то останется калекой. Даже если бы сейчас здоровяк оказался один, то это мало чем помогло бы Бабурину в борьбе с ним. Поэтому оставалось только одно – вступить в словесную перепалку, которая, если начистоту, могла закончиться не в пользу Макса.

– Тебя сожрет собственная злость! – проговорил Максим.

– Что ты сказал?! – На мгновение Бабурину показалось, что мужчина спустит пса, но тот поднял свободную руку и покрутил пальцем у виска. – Чокнутый. – Дернул Кинга и потащил его подальше от этого полоумного.

Максим не спешил поворачиваться спиной. Он выждал, когда здоровяк с псом скроются из поля зрения, и только тогда отправился своей дорогой. Пройдя метров десять, услышал шум двигателя. К нему приближалась машина. Макс отошел к обочине. Синяя «десятка» остановилась, и в окно выглянула красивая девушка с узбекскими косичками.

– Ну, что, Максим, мое предложение еще в силе. – Элла открыла дверь и подвинулась в глубь салона.

Макса, ввиду сложившихся обстоятельств, долго уговаривать не пришлось. Он плюхнулся рядом и закрыл дверь.

– Ну, как ты, боевик? Бить меня больше не будешь? – К Максиму повернулся водитель. Это был Игорь. – Ты уж извини, что я орать там начал...

– Ага, ты тоже не обижайся. Ко мне в таких случаях на расстояние вытянутой руки подходить нельзя. – Макс открыл бутылку пива и отдал Элле, вторую оставил себе.

– А больше пива нет?

Тут Максим увидел, что на переднем пассажирском кресле тоже сидит парень. Молодой, но очень хочет выглядеть как можно старше. Большие баки на его еще детском лице были так же уместны, как водоросли в ванной.

– Познакомьтесь, Максим, это Паша. Паша, это Максим. – Элла глотнула пива.

Макс кивнул и молча отдал свою бутылку.

– Давай, Игорек, ко мне, – мурлыкнула Элла. – Там у меня и коньяк, и вино. Разве что только пива нет.

– Мы можем вернуться к палатке... – предложил Максим.

– Нет. Игорек, давай ко мне.

Максим забрал свою бутылку назад и глотнул пива. Бугай и Кинг вылетели из головы.

Квартира была небольшая, но уютная. С порога можно было понять, что у хозяйки есть вкус, но совершенно нет времени на то, чтобы прибраться в квартире. Максиму было наплевать, что происходит у Эллы в ее жилище. Он хотел выпить. Да и вкус, собственно говоря, его интересовал только один. Вкус спиртного.

Элла принесла из кухни десертную тарелочку с нарезанным лимоном и поставила на сервировочный столик. Судя по тому, что Игорек быстро сориентировался в женских апартаментах, он был здесь не в первый раз. Он включил музыкальный центр. Мелодия нежно полилась из динамиков. Игорь подошел к Элле и потянул ее за руку на себя. Женщина вывернулась и подошла к бару. Достала бутылку коньяка и подала Максиму.

– Будь как дома. – Она развернулась и в танце пошла к пляшущему в одиночку Игорю.

Макс разлил по стопкам и посмотрел на Павла. Тот тоже смотрел на него. Макс поднял рюмку и хотел предложить парню. Паша вдруг подмигнул ему и улыбнулся. Максим от неожиданности не стал предлагать, а выпил сам.

Ерунда какая-то. Максиму еще в машине показалось, что у парня выходки не совсем мужские. Вернее, совсем не мужские. Будто паренек неумело пародирует поведение девушки. Нескромной такой девушки.

– Привет.

Давно не виделись. Пока Максим размышлял, стоит ему выпить с этим пародистом или нет, Паша подсел к нему.

– Нальешь даме?

Макс поперхнулся. Посмотрел на Павла. перевел взгляд на Эллу. Она и не собиралась возвращаться к столу. Дискотека восьмидесятых полностью захватила ее. Значит, все правильно. Раз Элла там, а Макс – мужчина, то Паша попросил налить себе. Вечер перестает быть томным.

Максим налил. Даме так даме. В конце концов, в мире равноправие. Если парень хочет покривляться, ему никто не может помешать.

– А давай на брудершафт, – предложил Павел.

Вот тут уже Максим задумался. Этот обряд, приводимый в исполнение в основном уже в нетрезвом состоянии, нес в себе не только дальнейшее фамильярное обращение друг к другу, но и поцелуй. Поэтому-то он (обряд) и предлагается подвыпившими мужчинами малознакомым симпатичным девушкам. Бывало и наоборот. Но такое?! Услышать подобное предложение от парня... Пусть кривляющегося и вообразившего себя дамой, но все-таки парня. Это даже пьяного в стельку заставит задуматься.

Несмотря на продолжительные раздумья, Макс ответил коротко:

– Нет!

– Ну, тогда за любовь.

Макс кивнул и залпом выпил, проигнорировав протянутую руку с рюмкой Павла. Тот пожал плечами и сделал небольшой глоток.

Мелодии сменяли друг друга. Элла и Игорь подбегали к столику, выпивали и снова пускались в пляс. Макс с опаской поглядывал на Пашу. Тот словно и не замечал косых взглядов собутыльника; сидя, он двигался в такт музыке.

– Я слышал, ты сегодня Владу нос разбил?

– Нет, просто мы с ним не поняли друг друга.

– И правильно. А я смотрю, Игорь в машину садится. Ну, я к нему на хвост. Элла мне и рассказала, что ты... Ну, не именно ты... То есть ты, конечно. Ну, в общем, правильно. Многие хотели его побить, но ты же знаешь... – Павел замолчал. А Максим не знал.

– Ты знаешь, он бросил меня. Поделом ему. – Парень-дама подвинулся ближе к Максиму. – Ты такой мужественный. Волосатик.

Макс посмотрел на свою грудь – ворот рубахи расстегнут, и волосы торчат из образовавшейся прорехи.

– Не надо, не закрывай. Я так люблю волосатиков. – Паша засунул свою руку за ворот Максима. – Волосатик.

Макс, будто ошпаренный, вскочил с дивана и, не оборачиваясь, подошел к книжному стеллажу, разделявшему комнату на две неравные части. Взял в руки первую попавшуюся книгу и начал листать ее.

«Сначала лапают мою жену, теперь меня. Удивительно чудный вечер».

Макс искоса взглянул на Пашу. Парень встал и пошел к танцующим. Ну, слава всем святым! Протянул руку, чтобы поставить том на место, но посмотрел на обложку. Книга заинтересовала его.

– Увлекаешься?

Макс повернулся. К нему подошла Элла, подала ему рюмку. Они чокнулись и выпили.

– Так ты не ответил.

– Да. Все, что связано с НЛО, привидениями и всякой нечистью, может заинтересовать меня.

– В этой книге вряд ли ты прочтешь о привидениях, но... На самом деле я ничего не поняла из того, что прочитала. Хочешь, возьми ее себе.

– С удовольствием.

– Дай-ка на минутку. – Элла взяла книгу и открыла. Достала из стакана на одной из полок авторучку и написала на первой странице: «*Чудес не бывает. Элла*».

Фраза всплыла сама собой. Откуда? Да, скорее всего, из этой же книги.

– Держи.

Макс прочитал.

– Могу с тобой не согласиться. Хотя давай поговорим, когда я прочту ее.

– Ловлю на слове.

Образовалась неловкая пауза. Макс подумал, что такие паузы бывают в любовных фильмах перед поцелуем.

– Спасибо. Я, наверное, пойду?

– Наверное.

Музыкальный центр, будто чувствовал ситуацию в комнате, воспроизвел медленную композицию. Вот под этот медляк Элла и довела Максима до двери.

– Пока.

– Пока. – Элла улыбнулась.

Перед тем как девушка закрыла дверь, Макс увидел в зеркале отражение происходящего в комнате. Игорь и Паша целовались. Максим понял, что Павел не кривлялся.

Возможно, чудес не бывает, а вот дерьма – полные закрома.

* * *

Руслан Сергеевич Бугаев среди друзей звался гордым именем Бугай и на свое данное при рождении имя практически не отзывался – поэтому, когда кто-то из парней окликнул его, он даже и не повернулся. Бугай знал, что его ждут дома. И каким бы он ни пришел, его примут. По крайней мере, Руслан так думал, а Верка, его жена, ничего не делала, чтобы разубедить его в этом.

После встречи с чокнутым прохожим Бугаев решил выпить. Он не хотел себе признаться в этом, но испугался того мужчину. Человек, который прет на тебя, зная, что вряд ли останется в живых, либо бессмертный, либо чокнутый. В любом случае, кем бы ни оказался тот прохожий, Руслан проникся к нему уважением и просто ушел. На самом деле никакого уважения не было. Четырехкратный чемпион города и трехкратный чемпион республики по вольной борьбе Руслан Бугаев не испытывал подобных чувств ни к кому, кроме себя. Там, на темной улице, несмотря на разницу в весовой категории и наличие собаки, которой только скажи «фас», Бугай струсил. Он испугался пьяного дрища только из-за того, что тот на него как-то странно посмотрел и сказал какую-то хрень. Что-то типа: «Кто-то сожрет тебя».

«Тебя сожрет собственная злость!» – вот что он сказал.

Даже Кинг, почувствовав неуверенность (трусость) хозяина, стал вести себя странно. Едва войдя в дом, пес пошел и лег на свой коврик. Бугай, ни слова не сказав жене, снова ушел. Обзвонил друзей и назначил место встречи. Ему не хотелось излить душу, нет. Бугаю хотелось залить в себе труса, которым, по сути, он был всегда. Только занятия спортом, бойцовые псы, друзья и наличие денег, за которые можно все купить, сделали из него храбреца. Как оказалось, ненадолго. Он возненавидел случайного прохожего, напомнившего Руслану, кто он на самом деле.

Бугаев боялся всего. Высоты, воды, темноты, одиночества, крыс, змей, волков, пауков... Список можно продолжать бесконечно, но один из страхов был самым сильным. Собаки. Да, да, собаки. В детстве его дважды кусали бродячие псы, и эти случаи, разумеется, оставили не только шрамы на коже, но и душевные раны, которые порой открывались и кровоточили. Кинг был бальзамом на эти раны. Бугаев купил его не для защиты от людей. Его питбуль с легкостью мог порвать свору шавок, подобных тем, из детства. То есть, по сути, от одного страха он все-таки избавился. Ну, или затушил его.

Был еще один страх. Нет, таковым его Руслан не считал – так, комплекс. Знай Бугаев значение этого слова в психологии, он бы и о нем думал с содроганием. Ему еще ко всем его страхам комплекса неполноценности не хватало. Несмотря на то что ему нет равных в борьбе – по крайней мере, в этом городе, – Руслан боялся драк один на один. Ему всегда нужна была поддержка, болельщики, так сказать. Может, этот комплекс появился за годы тренировок, он не знал; но сейчас Руслан по-другому не умел. Если конфликта было не избежать (Бугаев просто притягивал их к себе), он тут же начинал обзванивать друзей, и тогда... Впрочем, зачастую заключительная часть шоу отменялась – оппонент включал «заднюю», и Бугай, припугнув его для пушей остратки, уходил победителем. Сегодняшний вечер стал исключением. Этот долбанутый посмотрел на Руслана, пронзив его глазами-иголками насквозь. Бугай почувствовал себя незащищенным, будто его раздели, избили и собирались скормить бродячим собакам. Самое главное, что он в тот злополучный момент был без друзей и на поводке у него сидел не беспощадный бойцовый пес, а пластмассовая собачка с вращающимися глазами.

Уже к часу ночи Руслан Бугаев забыл о своей обиде. Он снова был грозой слабых и другом сильных. Он забыл о том человеке, который посмел посмотреть на него и сказать что-то непонятное. Руслан веселился, заказывал водку и музыку, приставал к женщинам и, перекивая певцов, горлопанил «Владимирский централ». В общем, та же программа, что и практи-

чески каждый вечер. Но часам к трем Бугай напился. Он встал, подошел к бару и расплатился, не забыв оставить «на чай», потом молча, не прощаясь с друзьями, пошел к выходу.

– Эй, Бугай! Ты куда? – крикнул кто-то из парней.

Руслан уже не понимал, кто кричит. Он даже смутно представлял, где находится. Какая-то сила (в таких случаях это называется: добираться на автопилоте) тянула его домой. Пусть не самым коротким путем, но все же домой. Бугаев вышел из кафе, прошелся по асфальтированной дорожке, остановился у кустарника, пошатнулся и упал. Кто-то снова окликнул его. Он встал и махнул рукой. Парни засмеялись. Выйдя на аллею, Бугай, вместо того, чтобы пойти по дороге вдоль парка, вошел в него.

Руслан осмотрелся. Паника зарождалась в его охмелевшем мозгу. Он перестал слышать голоса людей и шум машин, будто ему в уши вложили ватные пробки. Бугаев побежал. Ветки больно хлестали по лицу. Вокруг темно хоть глаз коли. Он бежал наугад, положившись только на внутренний компас. Впереди показался свет. Когда он снова вышел к кафе вместо двухэтажных домов поселка, он понял – внутренний компас сломался.

Откуда взялся мужик с большой черной собакой, Бугаев не понял и, когда они двинулись на него, буквально остолбенел. По мере того как Бугай понимал, кто перед ним, легче не становилось. За секунду до того, как зубы пса сомкнулись на горле Руслана Сергеевича Бугаева, он понял, что перед ним тот самый чокнутый прохожий.

* * *

Зеленая черепаха, вышедшая с конвейера с гордым названием «Жигули ВАЗ-2105», издавая громкий рев, ползла по проселочной дороге. Макс сидел за рулем и думал о вчерашнем происшествии. Нехорошо получилось. Перебрал, да еще этот козел руки распускать стал. Вот и получил по морде. Надо было еще...

– Максим, Максим!

Бабурин вздрогнул и посмотрел на пассажирское сиденье. Нина Федоровна бросила на него вопросительный взгляд и снова повернулась назад.

– А?

– Я говорю: мы в шесть за ними заедем.

Макс посмотрел в зеркало заднего вида. Женщина и мужчина глупо улыбались ему. Несмотря на то что Максим вчера пил, он почувствовал запах перегара от пассажиров. Где их теща только нашла? Работники. Где бы она их ни нашла, пользы от них куда больше, чем от самого Максима. Егор, брат Анжелы, неисправимый лодырь, тесть с радикулитом слег; ну, а Макс... А Макс решил, что за удовольствие иметь дачный участок лучше расплачиваться наличными, чем собственным здоровьем. Голова еще болела, да и подташнивало слегка. Отлежаться бы. Он непременно так и сделал бы, если бы Анжелка не начала пилить его за вчерашнее. Спасибо любимой теще – позвала на дачу.

– Думаю, что да. А вы управитесь до шести? – обратился Максим к пассажирам. Те закивали, продолжая блаженно улыбаться.

«Хреново им, наверное, – подумал Макс и еще раз взглянул в зеркало. – Точно, хреново. Рожи перекосило. Мне сейчас так же было бы. Но, к счастью, у меня стаж не тот, и таблетка «Антипохмелина» мне еще пока помогает».

– Вот и приехали. – Нина Федоровна показала на коричневый забор из профнастила. Давно Максим здесь не был. Если бы не теща, проехал бы мимо.

Машина остановилась у калитки из того же материала, что и забор. Максим вышел, потоптался на месте, разминая затекшие мышцы. С заднего сиденья вывалились работники. Макс не мог себе представить, как они собираются работать. Стоят-то еле-еле. Может, благодаря тятке и не упадут.

Макс открыл багажник. Мужчина заглянул и, ничего не увидев, кроме тяпок, отступил за спину сожительницы. Максим улыбнулся и достал орудия труда.

– Смелее.

Женщина фыркнула и поспешила к работодателю.

– Нин. Это... Нам бы пожевать чего...

– Тамарка, я ж спросила тебя: есть хотите? А ты что ответила? Хорошо, что я захватила с собой... Максик, достань там сумку.

Максим открыл пассажирскую дверь и посмотрел на мужчину. Вместо радости от предстоящего «жевания» на лице отобразилось разочарование. Макс знал, что им было нужно, но теща была противницей распития спиртных напитков, даже в лечебных целях. Поэтому Макса не переставало удивлять знакомство Нины Федоровны с людьми, смотрящими на мир через дно стакана.

У пассажирского сиденья стоял черный пакет. Макс передал его теще.

– Вот, Тамар. Здесь холодец, картошечка, помидоры и яйца.

– Хороша закусь, – подал голос мужчина.

– Нин, нам бы это... Ну... на сухую не пойдет, – заикаясь, проговорила Тамарка и приняла пакет. – Да вон и Андрюхе здоровье поправить надо.

Андрюха закивал грязной головой.

– А где ж вы магазин здесь найдете? – не сдавалась Нина Федоровна.

– Да мы это мигом. – Андрюха ожил. Даже и не верилось, что пять минут назад он едва стоял на ногах. – Тамарка пока начнет полоть, а я метнусь за горючим...

– За чем? – не поняла теща.

– За водкой, – подсказал Максим.

Работники снова закивали.

– Я бы не давал им денег, пока они не закончат, – уже когда «пятерка» вывернула на трассу, сказал Макс.

– Ты знаешь, Максик, она ведь хорошая. Была. Мы с ней дружили с института.

Теща рассказывала о том, как какой-то случай может сломать человека. И он, этот человек, начинает пить. Максим понял, что этим рассказом Нина Федоровна скорее тешит себя. Не доверяла она бывшей подруге и бывшему хорошему человеку.

Макс высадил тещу у подъезда пятиэтажного дома. На скамейке сидели старушки. При виде машины затихли. Но когда увидели, кто кого привез, беседа возобновилась.

Домой ехать не хотелось по причине конфликта с Анжелкиным начальником. До шести еще было время. Нина Федоровна предложила Максиму забрать тружеников и отвезти домой. Максим не спорил. Он вообще мало когда спорил. Надо – значит, надо.

Макс выехал на улицу Ленина, все еще соображая, куда податься. Ответ высветился на дисплее сотового телефона.

* * *

У Олега Давыдова было хобби, увлечение. Кто-то собирал марки, кто-то – значки; кто-то путешествовал, а кто-то с ума сходил от запаха женского нижнего белья. Любое увлечение сродни мании, болезни. Давыдов тоже был болен. Олег любил спорт, во всех его проявлениях. Он не мог жить без него.

Давыдов жил, по меркам города Салимова, в фешенебельном районе. Дом в десять этажей был верхом архитектурной мысли (опять же, по меркам небольшого городка). Большое здание со шпилями и башенками, прозванное и жителями этого дома, и горожанами не столь богатыми Замком, возвышалось при въезде в город. Человеку посчастливилось иметь двухкомнатную квартиру в этом самом Замке. Не хочешь сидеть в зале – иди в спальню, скучно

в спальне – дуй на кухню. Тем более когда кухня размерами немногим меньше, чем кухня ресторана. Не жизнь – рай! Но только не для Олега. Не нравилось ему, когда он не видит, что у него в другой комнате. Как будто, кроме него, в квартире кто-то дольше пары часов задерживается. Вот он и снес все перегородки. Получился небольшой спортзал – двенадцать на девять. Открываешь дверь – и попадаешь в царство спорта. В метре от входной двери висел боксерский мешок, немного левее стояла стойка для штанги и блинов. Там же слева у стены стояла скамья для жима лежа. В полуметре от нее – парта Скотта. Ближе к окну расположилось напоминание того, что Олег – нормальный человек и ему иногда нужно спать. Тахта занимала два на два метра драгоценного пространства в спартанском помещении. По квартире нельзя было пройти, чтобы не споткнуться о какую-нибудь гантель или гриф от штанги. Максим до того, как познакомиться с Олегом, и не предполагал, что есть столько разновидностей стержней для штанги: W-образные и Z-образные, олимпийские и тренировочные... Будучи подростком, Макс, было дело, «подкачивал мышцу» – в его пятиэтажке был подвал, куда пацаны стаскивали все подряд, мало-мальски похожее на спортивные снаряды. Так вот, самым надежным грифом был лом, а блинами – гири по тридцать два килограмма. У Максима особой тяги к спорту никогда не было. В подвале они чаще в карты играли, чем прикасались к самодельным снарядам.

«Поэтому я так хорошо и выгляжу», – говорил Олегу Максим. Тот кивал головой и продолжал приседать со штангой.

«Вот кого надо было на дачу отвезти, – подумал Макс, проходя в глубь спортзала. – Столько дури пропадает».

Олег лежал на скамье и, отдуваясь, давил штангу вверх. Лязгнуло железо, и тренировочный гриф лег в пазы стойки.

– Максус, сто... пятьдесят... шесть... раз, – переводя дыхание, сказал Олег и улыбнулся.

– Дружище, твои достижения меня давно перестали удивлять, – ответил Макс и протянул руку товарищу.

Олег встал и сверху вниз посмотрел на друга. Контраст был очевиден. Макс при росте 175 сантиметров весил 73 килограмма и на фоне Олега был просто незаметен. Олег и в школе, как он сам рассказывал, в старших классах при росте 197 сантиметра весил 98 килограммов. А занявшись пауэрлифтингом, он нарастил мышечную массу. В общем, этот телок весил 125 килограммов. И это еще не предел.

– Располагайся, телик вруби. Я в душ.

Гора проплыла мимо, снимая на ходу жимовую майку. Несмотря на огромные размеры, Давыдов двигался быстро и бесшумно.

Макс завалился на тахту, застеленную чьей-то шкуркой, взял пульт и включил телевизор – плазменную панель, свисающую с потолка в трех метрах от края дивана. По ТНТ шел «Дом-2». Эта передача очень раздражала Максима, выводила его из себя.

«Пошел 1451-й день проекта», – говорил голос за кадром. Ну, ни хрена себе! За чей счет эти переростки там живут?!

– Работать идите, – сказал Макс и переключил канал.

По СТС показывали «Утиные истории». Вот это то, что надо. Макс откинулся назад и посмотрел туда, где находился душ. Стены санузла тоже были снесены. Теперь там стояла только душевая кабинка, в которой и копошились 125 килограммов мышечной массы. Унитаз Олег перенес в кладовку сразу у входа. Левее душевой располагалась кухня, отделенная от спортзала деревянной стойкой, у которой стояли три высоких табурета.

– Больше трех не собираться, – усмехнулся Макс.

Олег вышел из кабинки, взял висевший рядом халат и надел его.

– Ух, хорошо. Не хочешь освежиться? – спросил он у Максима.

– Нет, спасибо. Я до сих пор в шоке от того, что ты там поместился...

Олег усмехнулся и прошел за бар.

– Кофе будешь?

Макс посмотрел на часы. Без десяти четыре. Успею.

– Давай!

– Только растворимый.

– О лучшем я и не мечтал.

Олег принес поднос с натюрмортом из двух чашек кофе и блюда с одним эклером, поставил на край тахты.

– Ну, рассказывай, что ты там вчера натворил. – Давыдов присел рядом с подносом.

– А ты откуда знаешь?

Макс взял пирожное и откусил. То, что заварное для него, Максим был уверен. У Олега – спецпитание. Он и кофе-то редко пьет.

– А на что есть жены и телефоны? – вопросом на вопрос ответил Олег.

– Она что, тебе позвонила, чтобы пожаловаться? – Макс чуть не подавился.

– Остановись, Максус. Я в два раза больше тебя, поэтому безопасней для собственного здоровья дослушать меня до конца и перестать ревновать без причин. – Олег улыбнулся и отпил кофе.

«Без причин?! Видел бы ты вчерашнее «без причин»!»

– Ладно, говори, – успокоив внутреннюю бурю, произнес Макс.

– Вот и молодец. Я позвонил тебе на домашний, думал, ты дома. Ну, спросил, как дела.

Вот Анжелка и ответила, что перенервничала вчера. И причиной нервозности она считает тебя.

Максим взял чашку кофе. Руки заметно тряслись. Ладно, время осталось как раз на рассказ и чашку кофе.

В пять десять Макс вышел из квартиры Олега.

Глава 3

Дорога до дачного кооператива «Садовод» заняла чуть больше сорока минут. У Максима было время подумать о вчерашнем происшествии, все взвесить. И когда Макс остановил зеленую «пятерку» у гофрированного забора, он окончательно укрепился в мысли, что погорячился вчера и нет ему, окаянному, прощения. То же самое сказал и Олег. Друг называется.

Максим заглушил двигатель и вышел из машины. Калитка была приоткрыта. Через образовавшуюся щель был виден край дома. У стены стояли тляпки.

– Эй, красавцы! – позвал Максим.

Он прошел по гравийной дорожке. Мелкие камни шуршали под ногами. Взял в руки тляпку. Лезвия были чистыми. С трудом верилось, что горе-работники после прополки вымыли их. Они лиц-то не моют, не то что... Макс догадался, в чем дело.

– Эй, Тамара! – еще раз позвал он.

Подошел к двери. Большой амбарный замок был цел. Максим обошел дом – его догадки подтвердились. Легкий ветерок приглаживал верхушки почти метровых сорняков.

«Пропали тещины кровные денежки».

В огород идти не было смысла, Максим развернулся и пошел к машине. Пока шел, набрал номер тещи. Послушал и нажал отбой. Абонент – не абонент.

Максим сел на водительское сиденье и положил голову на руль.

«Уроды! Они и не думали работать. Залили глаза и... А может, спят на какой-нибудь даче? – Макс поднял голову. – Да и черт с ними!» Завел двигатель, и зеленая черепаха покатила к трассе.

Приехал Макс домой в начале восьмого. Вошел в квартиру, повесил ключи от машины на крючок у зеркала и сел на тумбочку для обуви. Черт знает, что за выходные!

На кухне что-то скворчало – Ангела готовила ужин. С цианидом. Есть за что. Максим встал и столкнулся с Ниной Федоровной.

– Ой, Максим? А что это ты в темноте?

– Я это...

– Это он здесь совесть свою ищет. – Из кухни вышла Ангела в красном переднике.

Сейчас начнут прессовать.

– Да ладно тебе, Анжелочка. Ты бы мужа накормила вначале.

Теща удивила Макса, а вот Ангела не сдавалась.

– Пусть теперь сам себя кормит, а с завтрашнего дня еще и меня. – Зашла на кухню и продолжила оттуда: – По его милости я могу остаться без работы.

– Ну что, Максим, – прошептала Нина Федоровна. – Как там Тамарка со своим хахалем, управились?

– Даже раньше, чем вы думаете.

– Молодец. Надо же, подруга...

– Они ушли оттуда, едва мы отъехали.

Максим вошел в ванную. Когда он выключил воду и поднял голову, за его спиной в зеркале появилась теща.

– Максим, я что-то не поняла. Они что, ничего не сделали?

– Даже тляпок не испачкали.

– Вот суки! – Женщина развернулась и пошла в кухню.

Они сидели за столом. Макс ел отбивную, фаршированную грибами. Проголодался за целый день – кроме заварного пирожного, во рту ничего не было. Съев последний кусок, глянул на сковороду. Добавки попросить постеснялся (ввиду сложившихся обстоятельств). Ангела улыбнулась, заметив его неловкость.

– Съешь еще, Отелло. – Взяла его тарелку и положила еще две отбивные.

Нина Федоровна сидела молча, теребила в руках салфетку и наблюдала за этим действием.

– Мама, ну успокойся. Ну, обманули. Главное – все живы и здоровы. – Анжела обняла мать за плечо.

– Тысяча рублей. Тысяча, – проговорила Нина Федоровна.

Максим сначала подумал, что ему послышалось. Тысяча рублей за прополку трех соток в регионе, где средняя зарплата меньше, чем общепринятый минимальный оклад? Он поперхнулся. Прокашлявшись, спросил:

– Тысячу? – Получил утвердительный ответ. – Щедрая вы женщина, Нина Федоровна.

Сказал – и продолжил трапезу. Отрезал кусок и положил в рот. Медленно прожевал. Потом проглотил. А внутри клокотало. Внутри был ураган.

«Тысячу рублей! Тысячу! Да знай я об этом, я б там и остался. Они б у меня посадили, пропололи и собрали урожай за день! И все это за тысячу рублей!»

– Это и все, что ты можешь сказать? – не унималась щедрая теща.

Макс перестал жевать.

– Деньги им на похороны, – тихо сказал он, не выказав внутренней агрессии. Сказал и забыл.

* * *

«Сука! Какая же ты сука!»

Андрюха Ткаченко вывалился из покосившегося сортира и, застегивая ширинку, засеменял к дому. Он матерился, то и дело натываясь в темноте на какие-то препятствия, но не это так раздосадовало мужчину. Просто он решил справить малую нужду, мать ее! Поссать! А оно ни в какую. Вот Андрюха и закрылся в сортире, чтобы разглядеть, в чем загвоздка. Разглядел, бя! Его пенис даже во время эрекции не имел таких размеров. Опухший, он был похож на переваренную сардельку.

«Трипак! Чертова шлюха заразила меня долбаным трипаком!»

Если до того, как он вошел в покосившуюся коробку туалета, у него и были колебания по поводу заразы, притаившейся у него в штанах, то, когда он начал мочиться, никаких сомнений уже не оставалось. Трипак! Андрюха почувствовал сильную резь. Ему показалось, что кто-то воткнул ему в мочеиспускательный канал раскаленный гвоздь. Но по мере убывания горячей струи гвоздь остывал, вызывая нестерпимый зуд как внутри члена, так и снаружи.

«Сука!»

Трихомоноз или гонорея, сифилис или СПИД – один хер. Для Андрюхи все болезни, занесенные от баб (что все венерические заболевания от баб, он не сомневался), были трипаком.

«Наградила, сука! Но когда?! Неужели по пьянке пригрелся? Сука! Ну, я тебе сейчас устрою! Ты у меня на карачках ползать будешь! Ты меня умолять будешь!»

С этими словами Андрюха влетел в дом. Женщина сидела у стола, подперев голову рукой. Когда дверь ударила о стену, Тамарка подняла мутный взгляд, вздохнула и вновь опустила. Старенький кассетник «Весна» надрылся голосом Аллегровой. «Все мы, бабы, стервы», – тянул магнитофон. Ему первому и досталось. Разъяренный Андрюха смахнул «Весну» с трехногого табурета. Аппарат упал на пол и замолчал. Женщина встрепенулась, оживилась, почувствовав, что вот он, тот шанс, доказать этим козлам-мужикам, что бабы на самом деле стервы. И, не дав раскрыть рот Андрюхе, заорала:

– Ах ты, мудака! У тебя что, повылазило?! Или ты мозги высрал?!

Мужчина, поняв, что не сможет сказать и слова, пока трещотка жены в действии, подошел ближе и со всего размаха ударил кулаком в лицо женщины. Тамарка упала. Матрас с желтыми разводами смягчил падение. Кровь наполнила рот. Она хотела что-то сказать, но не смогла.

Андрюха подошел к ней и спустил штаны.

– Вот, посмотри!

Женщина отодвинулась к стене, сплюнула кровь.

– Что ты мне здесь своим хером тычешь?

– Сука! Это ты меня наградила! – захлебываясь яростью, заорал Андрей.

– Ты что, дурак?! Мы с тобой уже полгода не спим даже на одном матрасе. – Тамара сплюнула.

– Ты мне, тварина, зубы не заговаривай! – Андрюха ударил жену еще раз.

Он бил и бил, пока женщина не потеряла сознание. Подтянул свалившиеся штаны и пошел к столу. Налил водки, выпил и посмотрел на Тамару – она не шевелилась.

«Ничего, оклемается. Я ей, сучке, еще поддам. Не спали мы с ней рядом! Я тебе покажу – не спали!»

Он взял из жестяной банки, служащей пепельницей, окурочек и подкурил. Андрюху клонило в сон. Устал. Затянувшись в последний раз, он откинул окурочек в сторону пепельницы. Бычок ударился о край консервной банки и упал на тряпку. Андрюха лег рядом с неверной женой и через мгновение захрапел.

Тряпка на столе начала тлеть.

Тамарка очнулась от едкого дыма. Рядом лежал Андрей с проломленной головой. Кругом дым, из которого вырывались языки пламени. Она попробовала подняться, но не смогла. Балка, которая разбила голову ее мужу, придавила и Тамарку. Вдруг она увидела, что в огне стоит человек.

– Помогите! – прохрипела Тамара.

Человек приблизился. И перед тем как дым скрыл лицо молодого мужчины, Тамара поняла, кто это. Это был зять Нинки. Нины Федоровны.

«Не надо было нам их обманывать».

– Прости-и... – Последний вопль Тамары Ткаченко заглушил грохот обвалившейся крыши.

* * *

Максим очень любил бабушкины пирожки, поэтому хотел успеть к ужину вовремя. Бабушка всегда пекла пирожки с двумя видами начинки – яичной и капустной. Максиму больше нравились с капустой. И когда они были еще горячими, он с легкостью находил свои любимые по запаху.

Уже с порога он заметил: что-то не так. Родителей не было видно. Может, уехали в город, а может...

«Они меня бросили!»

Но испуг стать забытым родителями сменился новым чувством, близким к паническому ужасу. Максим испытал подобное только однажды, когда они с мамой были на похоронах: ему все время казалось, что мертвец следит за ним из гроба. Бабушка была жива, но следила за ним не хуже, чем тот мертвец. Она стояла у русской печи и, улыбаясь, смотрела на него. Мальчик замер, не решаясь войти в кухню. Несмотря на то что печь была растоплена, пирогами в доме даже и не пахло.

– Максим, внучок, иди ко мне. – Бабушка расставила руки, призывая внука обняться.

На мгновение Максиму показалось, что у женщины не руки, а когтистые лапы хищной птицы.

– Ну, иди же, Максик.

Нет, руки как руки. Максиму стало стыдно за плохие мысли о бабушке. Он мотнул головой, отгоняя плохие мысли, и пошел к бабуле. Но одна уж совсем нехорошая мысль не ушла, она засела глубоко в сознании. Мальчик подумал, что бабушка своими пирожками заманила его в ловушку и теперь хочет убить. Да нет же! Они обнялись, Максим уткнулся лицом в цветастый передник. От фартука пахло выпечкой, вареными яйцами и жареной капустой. Был еще какой-то запах, едва уловимый, но Максим не смог понять, что это так пахнет.

– Бабуль, а где пирожки? – Мальчик поднял голову и посмотрел бабушке в глаза. Она отвернулась.

– В печи, – ответила она. – А хочешь достать их сам?

– Конечно, бабуля! – воскликнул Максим и подбежал к полукруглому зеву. – А как?

– Очень просто, встань на табуретку и залезь на припечек...

Несмотря на то что рядом стояла его родная бабушка, происходящее напомнило Максиму одну сказку, где Баба Яга уговаривает сесть детей на лопату. Он посмотрел на бабулю и остолбенел. Она и была той самой Бабой Ягой. Горб на спине чудовища торчал так, словно кто-то еще украдкой поглядывал на Максима из-за головы старухи. Колдунья была замотана в лохмотья, из-под сбившегося набок платка торчали жесткие седые волосы, крючковатый нос свисал над ухмыляющимся ртом.

– Лезь! – приказала ведьма, схватила своими когтистыми лапами мальчика и запихнула в чело.

Жар. Невыносимый жар окутал все тело, но паники не было. Ее не было, даже когда вспыхнули волосы. И тут Максим понял, чем еще пахло от бабушкиного фартука. Горелым мясом. Мальчик открыл рот (теперь стало горячо и внутри) и закричал...

...Макс проснулся. Встал и прошел в кухню. Не включая света, попил воды и подошел к окну. Запах горелого мяса был едва уловим, а горький привкус гари пропал совсем. Станный сон. Будто его хотели сжечь? На костре? Он не мог вспомнить. Но Макс все чувствовал. Как бы это ни странно звучало, он чувствовал жар пламени и запах дыма. Максим потрогал кожу на руке. Боль, слабая, будто он обгорел на солнце. Чуть какая-то! Не могут сны быть такими реалистичными.

Максим пошел в ванную и умылся. Липкое чувство чего-то ужасного обволокло все его тело. Чувство чего-то, что совершил он. Он сам!

* * *

– А я тебе говорю, это все он! – сказал Станислав Владимирович. Елена Аркадьевна села на стул у плиты и заплакала.

– Тише, он тебя услышит. Как может девятилетний мальчик уби... – женщина осеклась. – Заставить кошку утопить котят?!

– Не знаю! Не знаю! Именно поэтому мне страшно. – Мужчина сделал паузу. – Я боюсь находиться с ним в одной комнате... – Станислав Владимирович шептал: – В одном доме...

Елена почувствовала страх. И причина этому – не только резкий переход мужа с истерического крика на шепот. Она вспомнила тяжелый взгляд сына. Совсем недетский взгляд. Елена оглянулась. Кроме нее и Станислава, в кухне никого не было. Мать пошла к соседке, а Максима уложили спать.

– Мне кажется, – снова шепотом произнес Станислав Владимирович, – и эти мальчишки – его рук дело.

Неделю назад пропали три мальчика. Вчера их нашли в лесу. Растерзанных.

«Что-то происходит с нашим малышом. Вместо того чтобы помочь ему, мы отстранились от него. Сидим на кухне и шепчемся. Мы боимся собственного сына», – подумала Елена Аркадьевна.

– Я боюсь собственного сына, – произнес Станислав, будто прочитал мысли жены, и посмотрел на дверь. – Мне все время кажется, что он за нами наблюдает. Он все слышит.

Елена заплакала.

– Стасик, что же нам делать?

– Не знаю. Может, давай пока оставим его здесь?

Елена подняла мокрые от слез глаза на мужа.

– Но он же наш сын...

– Да, да, черт возьми! Единственное, что мы знаем, так это то, что он наш сын. Что с ним такое?! Мне иногда кажется, что он может испепелить меня взглядом! Понимаешь? Он может нас убить! Убить! Не знаю как, но он может.

– Что ты заладил – знаю, не знаю? Надо как-то ему помочь.

– Кто бы нам помог...

– Нам надо отвезти его к врачу, – утерев слезы, твердо сказала Елена Аркадьевна.

– К какому врачу? К педиатру? К психиатру? К какому?!

Женщина снова заплакала. Станислав подошел к жене, встал на колени и взял ее за плечи.

– Леночка, давай сегодня поедem в город, а завтра с утра двинем в поликлинику и найдем какого-нибудь врача для Максика. Но только сейчас давай оставим его здесь. Он неплохо ладит с бабулей, а?

Елена, вздохнув, кивнула.

– Только маму дождемся и поедem.

* * *

Максим вышел из подъезда, поежился и пошел к остановке. Через десять минут он сидел в полумраке автобуса. На улице уже рассвело, но в забитые фанерой окна старенького «пазика» солнечные лучи не попадали. Хорошо хоть лобовое стекло было прозрачным. Другого ожидать и не приходилось. Предприятие доживало последние дни. Рабочий транспорт – без окон, без дверей. Инструмент, перемотанный липнувшей к рукам изолентой. Ну и, конечно же, заработная плата не намного больше, чем минимальная по стране. Поэтому транспорт и люди доживали свое на этом предприятии, не заботясь о внешнем виде.

Четыре рваных динамика выкрикивали «Черные глаза». Максим сел у окна, уперся головой в фанеру и закрыл глаза. Из-за кошмара ночью не удалось поспать. Ночной кошмар? А был ли он вообще? Макс ничего не помнил. По крайней мере, визуальных ощущений как и не было. А вот чувства обоняния и осязания были на высоте. Макс даже подумал, что уснул с зажженной сигаретой. Потом опомнился – он не курил уже полгода.

«Что это? Предвестие беды? Опухоль мозга? Или разыгравшееся воображение? Конечно, последнее здесь ни при чем. Но уж лучше свалить все на фантазию, чем осознать, что твой мозг пожирается какой-то опухолью».

Какое-то ощущение (дежавю?), что он уже чувствовал что-то подобное. Детство? Да, возможно. Когда-то в далеком детстве он ощущал то же самое.

В детстве... Макс открыл глаза. Воспоминания нахлынули на парня.

Что он тогда почувствовал? Что?!

* * *

Пожилая женщина следила за удаляющимися габаритными огнями автомобиля зятя. Когда они скрылись из вида, Антонина Львовна закрыла за собой калитку и пошла к дому.

У него есть Сила. У Максика есть эта проклятая Сила. Такая же, как и у его прадеда, ее отца. Она-то и сгубила молодого мужчину. Он умер в возрасте тридцати шести лет. Тринадцатилетняя Тоня сидела возле него в ту ночь. Отец выглядел жутко, будто мумия. Ей казалось, что он уже умер; но что-то страшное, поселившееся в нем, еще заставляло его двигаться. Перед тем как умереть, он проскрипел:

– От отца к сыну...

Теперь Антонина Львовна знала, что хотел сказать отец. Сила передавалась по мужской линии. Ее внук – первый после Льва мужчина в их семье. Первый и...

«Я не смогу. Он же мой внук. Моя кровинушка. Не смогу».

Женщина вошла в дом. Сегодня все закончится.

Мальчик сидел на диване и смотрел телевизор.

– Максик, а я думала, что ты спишь.

– Бабуля, они уехали? – Ребенок даже не повернулся к бабушке.

– Да. Они завтра приедут за тобой...

– Но они даже не попрощались! – Максим встал и посмотрел на женщину. Глаза наполнились слезами.

– Ну, ты чего, Максик? – Антонина Львовна обняла мальчика. – Мы думали, ты спишь.

Мальчик всхлипнул и уткнулся в бабушкин живот.

«Я не смогу!»

– Ну, успокойся и ложись спать. – Антонина Львовна отстранила мальчика и улыбнулась.

Мальш вытер слезы и тоже улыбнулся.

Антонина Львовна стирала. Она опускала руки в белую шапку пены, вздыбившейся над зеленым эмалированным тазом. Перетирала там что-то, поднимала из воды руки и снова опускала. Потрескивали дрова. В доме стало прохладно, поэтому пришлось разжечь печь.

«Сейчас мальчик уснет, и я задушю его. Положу ему на лицо подушку и...»

– Бабуля, я не могу уснуть, – услышала она за спиной и шумно выдохнула. Максим подошел к бабушке и дернул ее за закатанный рукав. – Бабуль, почитай мне, а?

«Я не смогу!»

«Сейчас!»

«Не смогу!»

«Сегодня!»

Антонина Львовна резко развернулась, схватила внука за голову и притянула к белой пене. Мальчик почти не сопротивлялся. Он скорее рефлекторно схватился за края таза, но женщина надавила сильнее, и лицо внука погрузилось в пену, а затем и в воду. Максим понял, что с ним не шутят. Поднатужился и вырвался из грязной воды.

– Ныыыхаа!

Женщина надавила сильнее, и мальчик не смог больше сопротивляться. Вода в тазу словно возмущалась такому наглomu вторжению. Антонина Львовна давила на затылок мальчика до тех пор, пока тот не затих. Потом она отпустила ребенка. Тело мальчика упало и увлекло за собой таз. Посудина с грохотом ударилась о пол.

Антонина Львовна отошла к печи и села на залавок. Посмотрела на руки, на бездыханное тело внука и зарыдала...

– Кхе-кхе-кхе.

Женщина подняла мокрый взгляд. Мальчик был жив. Он сидел в луже и смотрел на бабушку. Два мыльных пузыря, свисающих из носа, соединились в один шар и лопнули. Женщина вздрогнула.

«Он убьет меня! – Это было первое, что пришло ей в голову. – Теперь он убьет меня наверняка».

«Встань!»

Жесткий взгляд мальчика пугал. Будто два стальных шипа впивались в нее. Две дорожки соплей под носом вызывали отвращение. Максим сидел молча. Он наблюдал.

Женщина встала.

«Иди!»

Антонина Львовна повернулась и направилась к лицевой стороне печи. Остановилась у закрытого зева. Она словно прислушивалась, ждала приказа для дальнейших действий. Потом открыла горнило. Посмотрела на внука, будто спрашивая разрешения.

«Лезь!»

Женщина влезла на припечек, еще раз оглянулась.

«Ложись!»

На четвереньках прошла в чело и легла лицом на пламя.

* * *

Максим вскочил с места и побежал по проходу в сторону водителя.

– Останови! Останови! – захлебываясь, закричал он на ходу.

Вкус мыльной воды понемногу проходил.

Черт знает что! Стоило задремать, и снова какой-то сон... Будто его топили... Да не его вовсе! Ребенка! Но Максу казалось, что этот ребенок – он сам.

Макс вышел из автобуса и глубоко вздохнул, потом сел на остановке и огляделся. Он почти доехал, поэтому махнул водителю. Дверь зашипела и закрылась. «Пазик» выплевывая клубы выхлопов, поехал в сторону блестящих на солнце теплиц.

«Что со мной происходит?!»

Жуткие ощущения после кошмаров, которые он тут же забывал. Вкус и запах, преследующие его после просмотра этих снов. Все это могло быть составляющими одной болезни. Могло, но наверняка сказать может только доктор. Он полез в карман, достал пластинку таблеток. Витамины. Странная упаковка без названия. Сколько Максим помнил себя, столько он и глотал эти драже. То, что доктор прописал. Макс хмыкнул и надавил на упаковку. Щелчок. Пачка была пуста. Теперь Максим вспомнил, что уже дня три не принимал их. Черт! Все-таки надо зайти к дяде Славе.

Дядя Слава был и врачом, и отцом. Крестным отцом. Макс ничего не помнил из детства. Примерно лет с десяти начинались смазанные воспоминания, будто он смотрел в запотевшее стекло. Крестный так крестный. К тому же он самый родной Максу человек. Родители Бабурина погибли, как сказал дядя Слава, в автокатастрофе.

Максиму иногда казалось, что он видел эту аварию. Чушь, конечно. Но в голове появлялись такие четкие картинки... Макс думал, что он был там. На заднем сиденье, например. Может, его выбросило из машины? Он выжил и ничего не помнит. Ничего!

«Скоро я все вспомню. И тогда все встанет на свои места. Все».

* * *

«Что-то происходит в доме! Что-то с мамой!»

– Стасик, нам надо вернуться.

Станислав вопросительно посмотрел на жену.

– У меня какое-то предчувствие, – попыталась объяснить женщина.

– Успокойся, милая. Все нормально. Максим спал, когда мы уезжали. К тому же мы уже почти приехали.

Он еще раз взглянул на Елену. Женщина как-то сжалась вся, напряглась, будто пружина. Пружина, готовящаяся выстрелить.

...При каждом выдохе из носа мальчика продолжали вылетать мыльные пузыри. Он сидел в луже и смотрел прямо перед собой. Максиму были видны ноги, торчащие из печи. Они не двигались. Одна тапка осталась на ноге, вторая свалилась в подпечек. Запах паленых волос сменился запахом горелого мяса.

Вдруг мальчик выставил перед собой руки. Сжал кулачки. Со стороны его действия были похожи на игру в водителя, будто он держался за руль. Максим даже водил руками из стороны в сторону как заправский шофер. Вытянул вперед правую ногу, словно под ней была педаль, и резко вывернул руки влево...

...Пружина выстрелила. Лена схватилась за руль и резко вывернула его влево.

– Поворачивай назад! – закричала она.

Станислав попытался надавить тормоз, но нога не слушалась его. Мужчина даже не смог снять ее с педали газа. Машина выскочила на встречную полосу. За пару секунд до столкновения с грузовиком Станислав и Елена увидели на обочине Максима. Он помахал им рукой.

А потом их поглотило пламя...

* * *

С работы Максим отпросился, сославшись на плохое самочувствие. Он не врал. Макс чувствовал себя паршиво. Теперь его тошнило.

В одиннадцать часов Бабурин стоял на остановке, на той, с которой его каждое утро забирал старый «пазик». Домой идти не хотелось. Ему сейчас не хотелось ничего. Даже жить. На какое-то мгновение он почти готов был шагнуть с крыши, прыгнуть с моста или наглотаться каких-нибудь таблеток. Но мгновение прошло, а с ним – и желание покончить с собой. Домой, только домой. Чашка горячего кофе подавит тошноту, а французская комедия улучшит настроение. Именно чашка кофе и французская комедия.

Но кофе он так и не выпил. Минут через пять после того, как Бабурин вошел в квартиру, на пороге появилась Нина Федоровна. Женщина захлебывалась и глотала слова. Ей хотелось рассказать все и сразу.

– Максик... Максик... представляешь...

– Да что случилось, Нина Федоровна? Проходите, садитесь.

Теща, не разуваясь, прошла в кухню. Макс налил ей воды. Она выпила и продолжила глотание слов.

– Ты... их...

– Стоп! – остановил ее Максим. – Давайте по порядку. Попейте еще водички. Давайте. Кто-то умер? – навскидку спросил он.

– Да.

– Хорошо.

Женщина дернулась.

– Извините; я о том, что мы выяснили наконец, что случилось. – Макс покраснел.

– Умерли, – выпалила теща и замолчала, будто все и так понятно.

– Кто? – терпеливо спросил Максим.

– Тамарка с Андрюхой! Они сгорели! Ночью!

– А кто это? – Максим не понимал, о ком говорит теща.

– Максик, это же те, которые убежали с дачи.

Максим встал и налил воды. Теперь Нина Федоровна не выглядела расстроенной. Наоборот даже. Он подал ей чашку. Она приняла и заговорила так, будто и не захлебывалась пять минут назад.

– Помнишь, ты тогда сказал, что деньги им на похороны?

Максим не помнил, но кивнул.

– Видишь, как получается? Боком им мои денежки вышли.

– Рад был помочь, – едва слышно произнес Макс.

– Что?

– Я говорю: вам не жалко их?

– Кого? Тamarку-то? Конечно, жалко. Знаешь, какая она была?

Началось... Следующие минут сорок Максиму пришлось выслушать воспоминания о молодости тещеньки и былой красоте и порядочности Тamarки.

* * *

Выпроводив тещу, Максим все-таки решил добраться до видеомagnитофона и французских кинокомедий с его любимым Луи де Фюнесом. Он прошел в гостиную и включил телевизор. По первому каналу шли новости. Он мельком взглянул на экран. Снова террористы захватили какое-то здание. Максим не расслышал, где это произошло, но ему была неприятна эта тема. И снова он будто заглянул в запотевшее стекло. Детство... Пока он размышлял о малоизученном эффекте дежавю, на экране сменились декорации. За полукруглым столом сидели двое мужчин.

– Я понимаю, что, возможно, отсюда – из студии – мы мало чем сможем помочь людям, оказавшимся в заложниках. Но... Как психолог, что бы вы могли сказать нашим зрителям?

– Ну, в первую очередь я хотел бы напомнить, что заложник – это человек... – Психолог взял стакан с водой и сделал глоток.

«Да ну! Неужели человек?» – мысленно измывался Максим над болтунами. Его раздражали такие люди – сейчас он пытается найти компромисс между террористами и заложниками, а завтра становится правозащитником и защищает права бандитов и убийц.

– Это человек, оказавшийся во власти террористов. И поэтому его личная безопасность зависит от поведения во время захвата и после него. В момент захвата террористы действуют бесцеремонно, даже жестоко.

«Вот те раз! А я-то грешным делом подумал, что они с букетом роз и с улыбкой на небри-той морде приходят!»

– Некоторых людей в подобном положении охватывает приступ клаустрофобии. Необходимо стойко перенести все неудобства, помня, что ситуация эта временная. – Человек замолчал и сложил перед собой руки, одна на другую.

«Тебя бы, сука, запихнуть в такую временную ситуацию!»

Диктор подождал еще немного и, поняв, что психолог высказался, произнес:

– Ну что ж, это была весьма полезная информация, а мы будем держать вас в курсе. Оставайтесь на Первом.

Макс забыл, что собирался сделать. Он отстраненно смотрел куда-то за телевизор. Максим относился к таким происшествиям очень чутко. Бомбардировка Югославии, разрушение башен-близнецов в США, захват детей в Беслане, даже казнь Саддама Хусейна оставили в душе черный отпечаток. И все по причине жизненной несправедливости. Конечно, по его мнению.

Странные мутные воспоминания из детства не дали глубоко осмыслить чудовищность конфликта заложников и террористов...

* * *

Максим подошел к стенке, посмотрел на полку. Видеокассеты стояли на верхней. Макс потянулся за «Приключениями раввина Якова», но передумал. Злость после просмотра «Новостей» еще не ушла – не до комедии. Рука замерла напротив полки с книгами. Синяя глянцевая обложка будто подмигнула ему в лучах солнца. Максим взял ее и открыл. Прочел наугад:

«Мы очень рады, что вы держите в руках нашу книгу. Купили ли вы ее или только собираетесь купить, не важно. Мы надеемся, что, прочитав ее, вы разберетесь в себе и уже не будете воспринимать этот мир в общепринятом ракурсе. Дочитав книгу до конца, вы найдете собственный путь реализации своего потенциала».

Максим перевернул лист и наткнулся на высказывание Блеза Паскаля:

«Доводы, до которых человек додумывается сам, обычно убеждают его больше, нежели те, которые пришли в голову другим».

Он вспомнил, откуда эта книга. Но это уже было не важно. Книга действительно хороша, написана живым языком, легко воспринимается.

Максим сел на диван и стал читать. За этим занятием он просидел до темноты. Включил торшер у дивана и продолжил чтение. В 22.37 он захлопнул книгу и устался на обложку. Человек, закинув голову назад, держал в руках стеклянный шар. Из этого шара бил луч – вверх, в завихрения Вселенной. На мгновение ему показалось, что на обложке он сам. Нет, усталость от почти десятичасового чтения и тусклый свет торшера преломили изображение, вот он и увидел в старике (только теперь он понял, что человек с шаром – старик) себя.

Он аккуратно отложил книгу и встал. Прошелся от окна до двери и обратно. Было о чем подумать. Многие вещи становились понятными после прочтения этой книги. Даже эти сгоревшие бичи – Тамарка и Андрюха – были звеньями одной цепи.

«Если верить теще, я проклял их и забыл. Действительно забыл. Проклятье сработало. Совпадение? Может – да, может – нет. Надо искать доводы. А доводы, до которых человек додумывается сам, убеждают куда сильнее. Точно подмечено».

Максим взглянул на часы. 22.45. На улице темно, а шторы он так и не задернул. Подойдя к окну, Макс вдруг понял, что он в квартире один. Анжела должна была вернуться еще в семь. За чтением он потерял ход времени. А может, просто не услышал, когда жена звонила на сотовый?

Максим посмотрел на журнальный столик – телефона нет. Пошел на кухню. Трубка лежала на столе у хлебницы. Макс проверил входящие и пропущенные. Нет, Анжелы среди них не было.

Теще звонить не стал. Начал с подруг. Вера Михайловна ответила не сразу. Раза три Максим набирал ей, на четвертый женщина перезвонила сама.

– Максим? Чего тебе?

– Вера Михайловна... – Максим не мог ее называть просто по имени – она им почти в матери годилась, но и говорить ей «вы» он тоже не мог. – Ты Анжеле не видела?

– Нет. Она после работы домой пошла, а я – на свидание. Когда найдешь Анжелу, скажи ей, чтобы мне перезвонила.

«Невеста, блин».

Макс набрал Лесю. Не хотелось, но надо. Не хотелось давать ей надежду. Леся была одноклассницей Максима. Она с пятого класса бегала за ним. Макс не замечал этого – сначала ввиду малого возраста, а потом... Потом он влюбился в Анжелу. Ему иногда казалось, что Леся и дружила с Анжелой, только чтобы быть ближе к нему. Ерунда, конечно, но он старался избегать встреч и разговоров с ней. Сейчас надо.

– Леся, привет. Ты Анжеле не видела? – быстро, не дав опомниться собеседнице, проговорил Максим.

– Привет. Днем только. После работы она пошла домой.

Они по-писаному говорят, что ли?

– Ладно, спасибо.

– Максим, постой. Мы могли бы... Ну, как-нибудь... Я не говорю сейчас... Могли бы поужинать... вдвоем?

Макса удивила внезапная откровенность Леси. В такое русло их разговор заходил впервые. Обычно он был по-деловому сух: привет, как дела, пока...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.